А.В. Кобак, Ю.М. Пирютко

ИСТОРИЧЕСКИЕ КЛАДБИЩА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Александр Валерьевич Кобак
Юрий Минаевич Пирютко

Исторические кладбища Санкт-Петербурга

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645925
Исторические кладбища Санкт-Петербурга: Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-02688-0

Аннотация

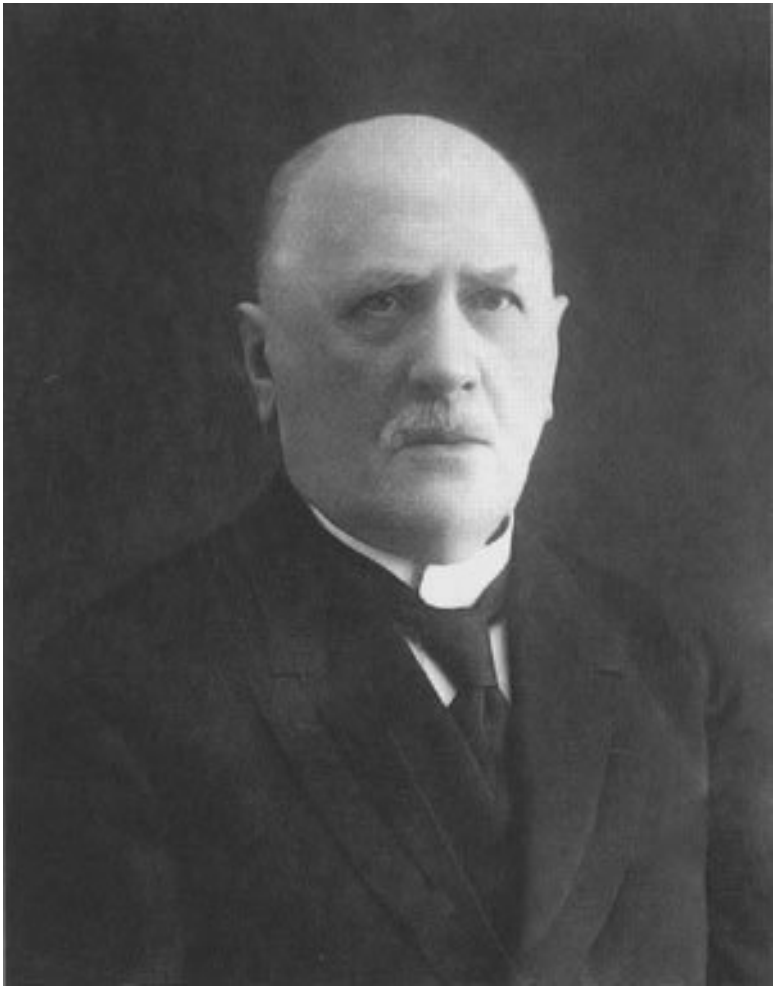
Это уникальное издание – плод совместной работы коллектива влюбленных в город на Неве авторов. Перед ними стояла очень непростая задача: необходимо было показать, что старые кладбища являются важной и неотъемлемой частью культурного наследия города. В книге комплексно рассматриваются все факторы, повлиявшие на формирование городского некрополя: дана топографическая и историко-культурная характеристика отдельных кладбищ; приведены общие сведения о жизни разных конфессий; описаны особенности быта и культуры этнических и социальных групп населения Северной столицы. Предыдущее издание, в 1996 г., было отмечено первой Анциферовской премией, присуждаемой за лучшие современные работы по истории Санкт-Петербурга. Но за

время, прошедшее после него, ситуация существенно изменилась. Библиография петербургского некрополя пополнилась рядом монографических исследований, и возникла необходимость в серьезном дополнении и обновлении информации, что и было профессионально исполнено авторским коллективом. В основу книги легли новые данные натурных обследований, а также материалы литературных и архивных источников, большинство из которых обобщено впервые. Издание 2-е, доработанное и исправленное.

Содержание

А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко 9
А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко 43
Ю. М. Пирютко 171
Конец ознакомительного фрагмента. 187

Александр Валерьевич Кобак, Юрий Минаевич Пирютко Исторические кладбища Санкт-Петербурга



В. И. Сайтов

Авторы и составители считают своим долгом посвятить эту книгу памяти Владимира Ивановича Саитова (1849–1938), без работ которого немыслимо изучение петербургских кладбищ. Его трудами создан свод Петербургского некрополя – списки с десятков тысяч эпитафий, содержащих массу исторических, биографических, генеалогических сведений. Подобные издания при его участии осуществлялись по Москве и провинции.

В. И. Саитов принадлежал к тем подвижникам русской исторической науки рубежа веков, которые подвели своеобразный монументальный итог петербургскому периоду отечественной культуры. При его участии были изданы Русский биографический словарь и пять томов «Русских портретов» – настольные справочники каждого исследователя истории России XVIII и XIX вв.

Ученик академика Л. Н. Майкова, Саитов обратил на себя внимание специалистов как автор обстоятельных примечаний к трехтомному изданию сочинений К. Н. Батюшкова (1885–1887) и к «Остафьевскому архиву» кн. Вяземского. Саитов издал собранные его учителем «Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина», подготовил основательную трехтомную «Переписку Пушкина» (1906–1911).

Сорок пять лет, с 1883 по 1928 г., В. И. Саитов работал в Русском отделе Публичной библиотеки. Член-корреспон-

дент Академии наук (с 1906 г.), почетный член семи научных обществ и десяти архивных комиссий, он был хорошо известен собратьям по науке.

В. И. Саитов не покинул Родину в послереволюционные годы, его не коснулась мрачная полоса террора. Он умер в Петербурге 27 января 1938 г., приближаясь к своему девяностолетию. Похоронили Саитова на Смоленском кладбище, но позже его могила оказалась потеряна…

А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко
ИСТОРИЧЕСКИЕ КЛАДБИЩА В ЛИТЕРАТУРЕ О ПЕТЕРБУРГЕ

Старые кладбища Петербурга являются ценнейшей частью историко-культурного наследия города.

Упоминание о городских кладбищах имелось в большинстве описаний Петербурга, начиная с первого из них, составленного А. И. Богдановым к пятидесятилетию города, но увидевшего свет лишь в 1779 г. Подготовивший рукопись к изданию В. Г. Рубан дополнил раздел об Александро-Невском монастыре списком ста девяноста шести эпитафий на надгробиях Лазаревского кладбища и в церквах-усыпальницах. Многие из отмеченных Рубаном надгробных плит были позднее утрачены, и это первое в литературе описание некрополя Александро-Невского монастыря до сих пор сохраняет значение исторического первоисточника.[1]

Уже в «Рассуждении о свободных художествах» П. П. Чекалевского (1792) дается описание художественных надгробий работы И. П. Мартоса и Ф. Г. Гордеева.[2] Значитель-

---

[1] Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 г., сочиненное г. Богдановым… дополненное и изданное… Василием Рубаном. СПб., 1779. С. 374–446.

[2] *Чекалевский П. П.* Рассуждение о свободных художествах с описанием неко-

ные лаврские памятники упомянуты в «Собрании достопримечательностей Санкт-Петербургской губернии» Б. Кампенгаузена, изданном в 1797 г.[3]

В «Истории Российской Иерархии» (1810) архимандрита Амвросия (Орнатского) помещены планы Благовещенской и Лазаревской усыпальниц с указанием мест погребения.[4] П. П. Свиньин во 2-й тетради своих «Достопамятностей Санкт-Петербурга», изданной в 1817 г., перечислил наиболее интересные памятники Лавры и некоторые эпитафии.[5] Этим источником воспользовался И. И. Пушкарев в «Описании Санкт-Петербурга» 1839 г. Дословно воспроизведя ряд характеристик Свиньина, Пушкарев дополнил перечень памятников всего лишь двумя – с основанного в 1823 г. Ново-Лазаревского кладбища: «Карамзина и Гнедича, людей, которые умом и трудами своими пролагали стезю просвещения в нашем отечестве».[6] Хронологические списки «особ, погребенных в церквах и на кладбищах лаврских», приведены в изданном в 1842 г. «Описании Свято-Троицкой Алек-

---

торых произведений российских художников. СПб., 1792. С. 98–99.

[3] *Campenhausen B.* Auswahl topografischer Merkwurdigkeiten des St.-Peterburgschen Gouvernements. Th. 1. Riga, 1797. S. 111–113.

[4] История Российской Иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором…архимандритом Амвросием. М., 1810. Ч. 2. С. 219.

[5] *Свиньин П.П.* Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. Тетр. 2. СПб., 1817 [репринт: Свиньин П. П. Достопамятности Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 66–71].

[6] *Пушкарев И.И.* Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1839 [репринт: Пушкарев И. И. Николаевский Петербург. СПб., 2000. С. 112–117].

сандро-Невской лавры» А. Павлова.[7]

Значительное место отводится петербургским кладбищам в трехтомной «Прогулке с детьми по Петербургу и его окрестностям» В. П. Бурнашева, который писал под псевдонимом Виктор Бурьянов. В этом своеобразном путеводителе упомянуты не только лаврские некрополи. Описания носят по преимуществу лирический характер, автор рассказал о связанных с городскими кладбищами народных традициях. О церкви Иоанна Предтечи в Ямской слободе Бурьянов, например, сообщает, что «в ограде ее было некогда кладбище, которого гробницы, когда-то великолепные, теперь полуразвалившиеся, заросли тернием», но что 24 июня, на Рождество Иоанна Предтечи, «в семик» на этом заброшенном кладбище происходят гуляния. На Смоленском кладбище гулянием отмечали 28 июля, день иконы Смоленской Божией Матери: «…под сению густых дерев, на надгробных памятниках совершается поминовение об усопших… простолюдины стонут, воют и, в знак воспоминания, едят, пьют на могилах кровных и друзей».[8] Краткие сведения о кладбищах Троице-Сергиевой пустыни, Смоленском, Волковском, Тентелевском (Митрофаниевском) даны в упоминавшемся выше «Описании Санкт-Петербурга» Пушкарева.

---

[7] *Павлов А.* Описание Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, с хронологическими списками особ, погребенных в церквах и на кладбищах лаврских. СПб., 1842.

[8] *Буръянов В.* Прогулка с детьми по Петербургу и его окрестностям. СПб., Ч. 1–3.

В опубликованных в 1860 г. в «Современнике» очерках академика П. П. Пекарского «Петербургская старина», на основании записок В. Берггольца и Х. Вебера, иностранных дипломатов при дворе Петра I, рассказывается о погребении первых строителей Петербурга. Во второй части очерков среди сведений о застройке города упомянуты кладбища у Сампсониевской и Вознесенской церквей.[9]

Подробный обзор возникновения и развития петербургских кладбищ впервые появился в 1866–1867 гг. в журнале «Странник» в очерке истории Санкт-Петербургской епархии священника Михаила Архангельского.[10] Труд о. Михаила посвящен преимущественно строительству церквей в Петербурге – от основания города до учреждения в 1742 г. самостоятельной петербургской епархии. Использованные в очерке материалы Синодского архива и в дальнейшем служили главным источником в исторических обзорах об устройстве городских кладбищ.

Важнейшим сводом материалов по церковному строительству в Петербурге и фундаментом для дальнейших исследований стали «Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии», выходившие отдельными

---

[9] *Пекарский П.П.* Петербургская старина // Современник, 1869. Т. 81. № 5/6. С. 311–338.

[10] *Архангельский М. Ф.* Санкт-Петербургская епархия от основания Петербурга. до учреждения в Петербурге епископской кафедры // Странник, 1866. Апр. С. 1–58; Июль. С. 44–174.

выпусками (1-10) с 1869 по 1885 г.[11] Это издание было предпринято Петербургским епархиальным историко-статистическим комитетом, официально учрежденным в 1854 г., хотя работа его началась четырьмя годами раньше. Предполагалось, собрав материалы по всем епархиям Российской Империи, дать исторические очерки обо всех действующих церквах и о текущей жизни приходов. Статьи для так и не законченного издания предоставляли священники приходских церквей на основании церковных архивов. В 1859 г. секретарь Историко-статистического комитета священник А. В. Гумилевский составил новую подробную программу по сбору материалов, в которую включил и сведения о кладбищах.

Во втором выпуске этого издания подробно излагается обсуждение вопроса о петербургских кладбищах, начало которому положено в 1732 г. В других выпусках есть сведения о Смоленском (вып. 4), Митрофаниевском (вып. 6), Большеохтинском (вып. 7) кладбищах, а также о ряде петербургских церквей, близ которых проходили погребения.

В 1854 г. в Петербурге была учреждена «Комиссия о распространении некоторых существующих в здешней столице кладбищ и об отводе места для новых». Однако дело ограничилось незначительным расширением старых территорий. Через четырнадцать лет была создана новая комиссия. Ее секретарь В. Беляев в 1872 г. издал книгу «О кладбищах

---

[11] Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 1-10. СПб., 1869–1885.

в Санкт-Петербурге», содержащую исторические очерки о двадцати четырех городских некрополях. Сведения о них кратки, но дают представление о времени основания, размерах, наличии разрядов, общем числе погребений. Беляева интересовало, главным образом, санитарно-гигиеническое состояние петербургских кладбищ. Бóльшая часть его книги посвящена техническим вопросам устройства нового Преображенского кладбища.[12]

В фундаментальном труде П. Н. Петрова по истории Санкт-Петербурга со времени основания до учреждения в 1782 г. выборного Городского управления заметное место уделено формированию городских кладбищ. Почти четверть книги составляют примечания, основанные на многочисленных рукописных и архивных материалах. Подробный предметный указатель помогает выбрать в этом насыщенном информацией своде нужные исследователю факты. Впрочем, известно, что, владея колоссальным по объему материалом, П. Н. Петров не всегда делал бесспорные выводы.[13]

В 1870—1880-е гг. появился ряд изданий по отдельным петербургским некрополям. Большой очерк о Смоленском православном кладбище опубликовал в журнале «Русская старина» священник Стефан Опатович. Автор подробно изложил обстоятельства устройства и расширения кладбища,

---

[12] *Беляев В.* О кладбищах в Санкт-Петербурге. СПб., 1872.

[13] *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга со времени основания до учреждения выборного городского управления. СПб., 1885 [репринт: М., 2004].

строительства на нем церквей, статистику погребений. В статье приводится список более чем сотни имен похороненных на кладбище государственных деятелей, лиц духовного звания, ученых, художников.[14] Ряд брошюр, вышедших в конце XIX – начале XX вв., посвящен жизнеописанию и захоронению святой блаженной Ксении Петербургской.[15]

О Волковском православном кладбище рассказывает небольшая книга Е. В. Аладьина, изданная в 1847 г. Основательное историко-статистическое описание кладбища позднее было составлено священником Н. П. Вишняковым (1885). В нем излагается история сооружения кладбищенских церквей, приводится список примечательных памятников, занимающий тридцать страниц.[16]

Обстоятельное исследование о Новодевичьем монастыре и кладбище вышло в 1887 г. Его автор С. И. Снессорева подробно описывает устройство монастырского кладбища, дает полный список погребенных с 1849 по 1887 г. (почти три с

---

[14] *Опатович С.* Смоленское кладбище в Петербурге: Ист. очерк // Рус. старина. 1873. С. 168–200.

[15] Смоленское кладбище: Памятник рабе Божией Ксении. СПб., 1890; *Булгаковский Д. Г.* Раба Божия Ксения. СПб., 1891; Он же. Могила рабы Божией Ксении на Смоленском кладбище. СПб., 1904; *Белорус Ф.* Юродивый Андрей Федорович, или Раба Божия Ксения. СПб., 1894; Раба Божия Ксения. СПб., 1905; Храм Светлого Христова Воскресения на Смоленском кладбище. СПб., 1904; Смоленское православное кладбище. СПб., 1906.

[16] *Аладьин Е.В.* Православное Волковское кладбище. СПб., 1847; *Вишняков Н. П.* Историко-статистическое описание Волковско-православного кладбища. СПб., 1885.

половиной тысячи имен). Приложен подробный план некрополя.[17]

Брошюры об истории и наиболее примечательных захоронениях изданы также по кладбищам Троице-Сергиевой пустыни,[18] Митрофаниевскому,[19] Серафимовскому.[20] Ряд статей о петербургских старообрядческих кладбищах опубликовал в 1870-е гг. священник Василий Нильский.[21] В 1916 г. вышла основательная книга А. И. Простосердова о Волковском единоверческом кладбище.[22] Описанию лютеранских Смоленского и Волковского кладбищ посвящено специальное издание 1906 г.[23]

Немало страниц уделил кладбищам Лавры, Троице-Сер-

---

[17] *Снессорева С.И.* Санкт-Петербургский Воскресенский первоклассный общежительный женский монастырь. СПб., 1887.

[18] *Яковлев П.* Исторический очерк первоклассной Троицко-Сергиевой Приморской пустыни. СПб., 1884.

[19] *Ветвеницкий Н. А.* Описание Митрофаньевского Петербургского православного кладбища, с добавлением о новом сподвижнике, страннике Александре Михайловиче Крайневе. СПб., 1890.

[20] *Пашский П. В.* Описание устройства Серафимовского в Новой деревне кладбища. СПб., 1907.

[21] Краткий исторический очерк Громовского раскольничьего поповского кладбища в Петербурге // Церковно-обществ. вестн. 1874. № 19; Волковское Федосеевское беспоповское кладбище в Петербурге // Там же. 1874, № 107–109; Малоохтинское поморское кладбище в Петербурге // Там же. 1875, № 67–69. Эти же статьи в расширенном виде см.: Истина. 1875, кн. 42. № 9/10. С. 29–88.

[22] *Простосердов А.И.* Волковское единоверческое кладбище. Пг., 1916.

[23] Verzeichnis der vom Kirchenrate des St.-Petri-Kirche auf den Friedhofen Volkovo und Smolensk zum Instandhaltung bernommenden Familienplatze. SPb., 1906.

гиевой пустыни, пригородному некрополю летописец старого Петербурга М. И. Пыляев в своих «Рассказах из былой жизни столицы» и «Забытом прошлом окрестностей Петербурга».[24]

Огромный материал для изучения всех сторон церковной жизни Петербурга за двести лет дает книга «Александро-Невская лавра. 1713–1913», подготовленная к юбилею профессором церковной истории С. Г. Рункевичем. Этот капитальный труд основан на материалах богатейшего лаврского архива. Сведения о лаврских некрополях содержатся как в основном тексте, так и в многочисленных примечаниях и приложениях.[25]

Со второй половины XIX в. старейшие петербургские кладбища воспринимаются как хранилища уникальной исторической информации – эпитафий. В 1870 г. в журнале «Всемирный труд» историк С. Н. Шубинский опубликовал статью «Кладбищенская литература», где указал, что эпитафия «может служить отчасти источником для характеристики современного ей общества». В подтверждение своей мысли он привел списки пятнадцати эпитафий Лазаревско-

---

[24] *Пыляев М. И.* Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. 2-е изд. СПб., 1889 [репринт: М., 1990. С. 22–51]; *Он же.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889 [комментированное издание: Сост. Витязева В. А., Миллер О. В. СПб., 1996].

[25] *Рункевич С.Г.* Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1913 [репринт: СПб., 2003].

го кладбища (не все они сохранились до нашего времени).[26] В 1885 г. в журнале «Исторический вестник» П. Н. Полевой описал несколько памятников близ церкви Иоанна Предтечи.[27]

С начала XX в. открывается новый интересный аспект изучения петербургских кладбищ. Талантливый искусствовед Н. Н. Врангель в статье «Забытые могилы», опубликованной в журнале «Старые годы» в 1907 г., обратил внимание на художественные особенности надгробий петербургских некрополей, прежде всего Лазаревского и Смоленского.[28] Врангель в своей статье упомянул более чем о пятидесяти памятниках и впервые поднял вопрос об авторстве и стилевых особенностях художественных надгробий. Заслуга исследователя в том, что он обратил внимание читающей публики на удручающее состояние кладбищ, где гибнут художественные ценности. Журнал «Старые годы» и в дальнейшем извещал о «вандализмах», ведущих к гибели памятников.

В 1913 г. вышла книга В. Я. Курбатова «Петербург». Этот «художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы» включал материалы о памятниках

---

[26] *Шубинский С.Н.* Кладбищенская литература // Всем. труд. 1870. № 11. С. 794–806; *Он же.* Исторические очерки и рассказы. 5-е изд. СПб., 1908. С. 691–696.

[27] *Полевой П. Н.* Забытые могилы // Ист. вестн. 1885. Т. 20. С. 676.

[28] *Врангель Н. Н.* Забытые могилы // Старые годы. 1907. Февр. С. 35–51 [переиздание: Врангель Н. барон. Старые усадьбы. Очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 1999. С. 252–283].

Лазаревского, Тихвинского, Волковских, Смоленских, Новодевичьего и Митрофаниевского кладбищ. В богато иллюстрированной книге Курбатова есть фотографии памятников и их деталей.[29]

Венцом изучения петербургского некрополя в дореволюционный период стали труды В. И. Саитова. Еще в 1883 г. тридцатичетырехлетний исследователь опубликовал в приложении к журналу «Русский архив» «Справочный исторический указатель лиц, родившихся в XVII и XVIII столетиях». Список был составлен по надгробным надписям Александро-Невской лавры и упраздненных петербургских кладбищ – Благовещенского на Васильевском острове, Ямского при Крестовоздвиженской церкви, Преображенского в Колтовской слободе, Сампсониевского на Выборгской стороне и Холерного у Куликова поля. В свод, насчитывающий около двух тысяч имен, Саитов ввел и не сохранившиеся к тому времени эпитафии, извлеченные им из литературных источников.[30]

Следующим крупным шагом в изучении русских кладбищ было издание в 1907–1908 гг. «Московского некрополя».[31]

---

[29] *Курбатов В.Я.* Петербург: Худож. – ист. очерк и обзор худож. богатства столицы. СПб., 1913 [переиздание: СПб., 1993].

[30] *Саитов В. И.* Петербургский некрополь, или Справочный исторический указатель лиц, родившихся в XVII и XVIII столетиях, по надгробным надписям Александро-Невской лавры и упраздненных петербургских кладбищ. М., 1883.

[31] Николай Михайлович, вел. кн. [Саитов В. И., Модзалевский Б. Л.] Московский некрополь. Т. 1–3. СПб., 1907–1908.

Покровителем этой работы, как и последующих «некрополей», был великий князь Николай Михайлович (1859–1919) – историк, автор монографий о времени Александра I, издатель монументального свода Русских портретов XVIII–XIX вв.

В 1912–1913 гг. выходит четырехтомный «Петербургский некрополь». В основе этого издания – материалы натурных обследований кладбищ, которые В. И. Саитов с помощниками проводил в 1907–1911 гг. Свыше сорока тысяч эпитафий с надгробных памятников пятидесяти семи кладбищ Петербурга и его окрестностей собраны в этом грандиозном труде.[32] В первом томе «Петербургского некрополя» содержатся: краткие исторические справки о всех обследованных кладбищах, перечень шестнадцати упраздненных в XVIII–XIX вв. кладбищ, обширная библиография.

В «Петербургском некрополе» даны полные тексты лишь оригинальных эпитафий, чаще всего стихотворных. Традиционные формулы «здесь погребен», «покоится тело» и т. п. опускались. Приведены сведения о захоронениях вплоть до начала XX в. Объясняя принцип отбора имен, Саитов отметил во вступлении к изданию «сословную точку зрения». Большинство имен – это представители дворянства, которое, по словам исследователя, «имело наибольшее значение в политической и общественной жизни России». Избирательно

---

[32] Николай Михайлович, вел. кн. [Саитов В. И.] Петербургский некрополь. Т. 1–4. СПб., 1912–1913.

включены лица духовного звания, «члены именитых фамилий и представители крупных торговых фирм» из купеческого сословия. Из прочих сословий отбирались «только выдающиеся по своей деятельности лица».

Все имена размещены в алфавитном порядке, с пометкой, на каком кладбище находится тот или иной памятник. Таким образом, для того, чтобы выяснить, например, кто был похоронен на Казанском кладбище в Царском Селе, надо перелистать все четыре тома «некрополя». Разумеется, по этому справочнику невозможно выяснить, в какой части кладбища находилось то или иное захоронение.

В 1910-е гг. было начато издание «Русского провинциального некрополя» и заграничных русских некрополей, прерванное в 1917 г.[33]

В 1906–1910 гг. фотограф Н.Г. Матвеев проводил фотосъемку памятников выдающихся лиц, связанных с Академией художеств, на Смоленском и других исторических кладбищах. Альбом этих фотографий, хранящийся в библиотеке Академии художеств, представляет исключительный интерес, поскольку многие памятники позднее были утрачены или изменили местоположение.[34]

---

[33] Николай Михайлович, вел. кн. [Шереметевский В. В.] Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914; Он же [Андерсон В. М.] Русский некрополь в чужих краях. Вып. 1. Париж и его окрестности. Пг., 1915; *Чернопятов В. И.* Русский некрополь за границей. Вып. 1–3. М., 1908–1913.

[34] Подробнее см.: *Пирютко Ю. М.* Забытые памятники // Музеи России. 1992, № 1. С. 18–20.

В 1894–1917 гг. издавались адресно-справочные книги «Весь Петербург» (с 1915 – «Весь Петроград»). Начиная с 1913 г. в приложениях к справочникам помещались схематические планы городских кладбищ: лаврских, Смоленских, Волковских, Митрофаниевского, Большеохтинского, Выборгского католического – с указанием мест захоронения ряда известных деятелей.[35]

[35] Весь Петербург на. [1913–1917] год: Адрес. и справ. кн. г. Петербурга. СПб., 1913–1917.

Великий князь Николай Михайлович

Многие ценные материалы исследователь некрополей может найти в периодической печати. Это и описания отдельных памятников, и краткие справки о некоторых кладбищах, и заметки о текущих событиях кладбищенского быта, и многочисленные некрологи. В газетах 1909-1920-х гг. довольно часто сообщали и о различных актах вандализма, разрушении кладбищенских памятников. Много материалов о петербургских некрополях помещали журналы «Иллюстрация», «Русский художественный листок», «Нива», «Родина», «Живописное обозрение», «Исторический вестник», «Зодчий», «Известия С.-Петербургской городской думы».[36]

Тесная связь между кладбищенским и церковным строительством объясняет, почему многие материалы по истории кладбищ можно найти в литературе, посвященной петербургским храмам. В XIX – начале XX вв. подобных книг издавалось довольно много: от общих справочников и исследований до монографий по отдельным церквам.[37]

---

[36] Примером тематического разнообразия публикаций могут служить названия некоторых статей: Кораблинский А. Кладбище св. Митрофания // Лит. прибав. к Рус. Инвалиду. 1836. № 83; Смоленское кладбище // Иллюстрация. 1846. Т. 3, № 27; Надгробия русских писателей // Рус. худож. листок. 1853; Городское Преображенское кладбище // Изв. Санкт-Петерб. Гор. думы. 1875, № 1; Преображенское кладбище близ Петербурга // Родина. 1886. № 39; Могила Я. Б. Княжнина // Живописное обозрение. 1891, № 2; О воровстве на Новодевичьем кладбище // Новое время. 1905, 1 мая (№ 10473); Кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря // Ведомости Санкт-Петерб. Градоначальства. 1911, № 82.

[37] *Тихомиров Н.А.* Путеводитель по церквам Санкт-Петербурга и ближайших

* * *

В первые послереволюционные годы изучение городского некрополя было одним из направлений краеведческих исследований, которые велись тогда с небывалой интенсивностью. Особый интерес представляет «экскурсионный метод» изучения города И. М. Гревса, а также программа изучения кладбищ, предложенная Н. П. Анциферовым в книге «Пути изучения города как социального организма». [38]

Этот период закончился к концу 1920-х гг., с разгромом петербургской краеведческой школы. В советское время старые могилы были вычеркнуты из числа городских достопримечательностей. Упоминание о могилах выдающихся деятелей отечественной науки и культуры, похороненных на Смоленских, Лаврских, Волковских, Новодевичьем и других

его окрестностей. СПб., 1906; Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. Вып. 1–6 (Петербург). СПб., 1909; *Цитович Г. Г.* Храмы армии и флота. Ист. – стат. описание. Пятигорск, 1913; *Флоринский Д.И.* Историко-статистическое описание Санкт-Петербургского Петропавловского кафедрального собора. СПб., 1857; *Владимирский А.* Краткое описание Санкт-Петербургской Сампсониевской церкви. СПб., 1890; *Аплаксин А.П.* Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге. СПб., 1909; *Томилин А. А.* Историко-статистическое описание Екатерингофской Екатерининской церкви в Санкт-Петербурге. СПб., 1905; *Корольков М.Я.* Андреевский собор. СПб., 1905; *Аплаксин А.П.* Казанский собор. СПб., 1911.

[38] *Гревс И. М.* Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсион. дело. 1921, № 1. С. 21–34; *Анциферов Н.П.* Пути изучения города, как социального организма: Опыт комплекс. подхода. 2-е изд. Л., 1926. С. 115–118.

знаменитых кладбищах Петербурга, не считалось обязательным в путеводителях. Тем более не шло речи об издании отдельных описаний городских некрополей.

Проведение в Ленинграде единственного в своем роде эксперимента – создания Музея-некрополя – очень скупо освещалось в тогдашней периодике. Некрополь мастеров искусств был открыт в 1937 г., но путеводитель по нему появился лишь четверть века спустя.[39] Массовые путеводители по Ленинграду, издававшиеся в 1959-1970-е гг., как правило, содержали лишь беглое упоминание о музейных некрополях. Только в путеводителе 1986 г. можно найти сведения и о других городских кладбищах – впрочем, весьма скудные.[40]

В конце 1970-х гг. появились первые монографические исследования Г. Д. Нетунахиной, Т. Ф. Поповой, В. В. Ермонской о русской и советской мемориальной скульптуре, в которых значительное место заняли памятники ленинградского некрополя.[41] Вопросам типологической характеристики надгробий посвятил свою работу, вышедшую в 1990 г.,

---

[39] *Нетунахина Г.Д., Удимова Н.И.* Музей городской скульптуры. Путеводитель. Л., 1963.

[40] Ленинград: Путеводитель / Сост. Витязева В. А., Кириков Б. М. Л., 1986.

[41] *Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Т. Ф.* Русская мемориальная скульптура: К истории худож. надгробия в России XI-начала XX вв. М., 1978; *Ермонская В. В.* Советская мемориальная скульптура. К истории становления и развития рус. сов. худож. надгробия. М., 1979.

С. Е. Компанец.[42] Содержательный анализ ряда памятников некрополя Александро-Невской лавры дан в книге А. И. Кудрявцева и Г. Н. Шкода, вышедшей в 1986 г.[43]

При изучении исторического некрополя Петербурга целесообразно пользоваться архивными источниками. В архивах можно найти сведения об отводе мест, планировке и расширении территории городских кладбищ, порядке погребений, проектировании и установке надгробных памятников, сооружении кладбищенских церквей и часовен. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) такие материалы находятся в фондах Синода (ф. 796, 797, 834, 835 и др.), Александро-Невской лавры (ф. 815). Церемониалы погребений царствующих особ освещаются в материалах фонда Петропавловского собора (ф. 816), церемониальной части (ф. 473). Сведения по кладбищенской архитектуре можно обнаружить в фондах Академии художеств (ф. 789), конторы от строений (ф. 467), Министерства императорского двора (ф. 485) и многих других. Значительный материал хранится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Это, в частности, фонды Петроградской духовной консистории (ф. 19), губернских духовных правлений и благочинии, духовных академий

---

[42] *Компанец С. Е.* Надгробные памятники XVI-первой половины XIX вв.: Практ. пособие по выявлению и науч. описанию. М., 1990.

[43] *Кудрявцев А. И., Шкода Г.Н.* Александро-Невская лавра: Архитектурный ансамбль и памятники некрополей. Л., 1986.

и семинарий. В этом же архиве – фонды восьми монастырей, 19 соборов, 137 православных церквей Петербургской епархии, ряда иноверческих церквей, девяти кладбищ. Материалы по строительству имеются в фондах городской управы (ф. 513), строительного отделения Петроградского губернского правления (ф. 256), комитета городских строений (ф. 823) и др. Организация кладбищенского дела в послереволюционные годы отражена в ряде материалов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) (ф. 142, 1000, 7384 и др.).

Материалы краеведческих исследований 1929– 1930-х гг. остались по большей части неопубликованными. В Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) находится фонд общества «Старый Петербург—новый Ленинград» (ф. 32). Часть материалов сохранилась в личных фондах активистов этого общества (например, фонд В. М. Лосева в отделе рукописей Российской национальной библиотеки). Там же хранится историческая справка П. П. Юрьевича о Новодевичьем кладбище с аннотированным списком захоронений. В рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН хранятся рукописные некрополи и картотеки: Б. Л. Модзалевского, В. Н. Чувакова, А. И. Никольского, И. М. Картавцева; коллекции некрологов А. Ф. Кони, О. С. Гущиной.

Важный источник – материалы архива Государственно-

го музея городской скульптуры, в основе которого картотеки и выписки первого хранителя музея Н. В. Успенского. Здесь собраны подлинные документы, подробно освещающие процесс формирования Ленинградского музея-некрополя. Долгое время этот музей, единственный такого рода в стране, был основным хранителем материалов по историческому некрополю Петербурга.

Исторические захоронения и художественные надгробия входят в число памятников истории и культуры Санкт-Петербурга, находящихся под государственной охраной. В основном это памятники музейных некрополей. Лазаревское кладбище (Некрополь XVIII века), Тихвинское кладбище (Некрополь мастеров искусств), Благовещенская и Лазаревская усыпальницы, Некрополь «Литераторские мостки» считаются в целом памятниками истории и культуры федерального значения. Среди подохранных надгробий на других кладбищах города – преимущественно памятники на братских могилах периода блокады Ленинграда, могилы Героев Советского Союза и Социалистического труда, участников революции и Гражданской войны.

Основным документом, по которому учитываются петербургские надгробия, является «Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения, находящихся в Санкт-Петербурге», утвержденный постановлением № 527 Правительства РФ от 10 июля 2001 г. Часть памятников поставлена на учет более

ранними документами: решениями Исполкома Ленгорсовета № 328 от 3 мая 1976 г., № 757 от 24 октября 1977 г., № 124 от 27 февраля 1989 г. и др.[44]

По состоянию на 2005 г. Комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП) в двадцати одном административном районе Санкт-Петербурга учтено около 770 надгробий на кладбищах и отдельных захоронений, находящихся под государственной охраной. В соответствии с Законом Санкт-Петербурга от 15 ноября 1999 г. «О погребении и похоронном деле» КГИОП и Комитет экономического развития, промышленной политики и торговли получили 11 июля 2005 г. поручение городского Правительства об инвентаризации дополнительно еще 574 мест захоронений «известных граждан, внесших значительный вклад в историю России и Санкт-Петербурга». Этот перечень охватывает 27 петербургских кладбищ. Таким образом, свыше 1300 могил Петербурга признаны достойными государственной охраны.

* * *

За 15 лет, прошедших с момента первого издания книги «Исторические кладбища Петербурга», городской некро-

---

[44] Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. Справочник. [Издание Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры]. СПб., 2005.

поль вновь стал полноправной темой краеведческих исследований. Начало систематическому изучению исторических кладбищ было положено в Ленинградском отделении Советского фонда культуры, созданного по инициативе академика Д. С. Лихачева.

Осенью 1987 г. при Фонде культуры родилась общественная комиссия «Некрополь». Инициатором ее создания был один из лидеров группы «Спасение» Михаил Талалай. В формировании программы по изучению старых кладбищ деятельное участие принял московский историк А. Б. Рогинский. Имя Арсения Борисовича тесно связано с обществом «Мемориал», которое впервые начало работу по выявлению мест захоронения жертв массовых репрессий советского периода. Его методические указания послужили основой для разработки концепции книги «Исторические кладбища Петербурга».

Работу комиссии «Некрополь» поддержали два выдающихся ученых – академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999) и академик Владимир Николаевич Топоров (1928–2005), который стал рецензентом этой книги. И если первый не раз подчеркивал в своих работах, что кладбища – ценнейшая часть культурного наследия, то второй еще в 1960-е г. начал составление свода эпитафий петербургского некрополя.

Для авторов книги существенным было показать кладбища как составную часть городского организма. Отсюда ком-

плексный подход, включающий как топографическую и историко-культурную характеристику отдельных кладбищ, так и общие сведения о жизни отдельных конфессий, особенностях быта и культуры этнических и социальных групп населения старого Петербурга, влиявших на формирование городского некрополя. В основу статей об отдельных кладбищах легли данные натурных обследований, а также материалы различных литературных и архивных источников, большинство которых обобщено впервые.

Среди двадцати двух авторов многие обратились к теме некрополя в процессе изучения различных смежных областей петербурговедения. Особо надо отметить участие в этой книге Г. В. Пирожкова, неутомимого исследователя Смоленских кладбищ. Не будучи профессиональным историком, кандидат биологических наук Г. В. Пирожков с 1970-х гг. занимается детальным изучением старейшего из действующих некрополей Петербурга. Тысячи описаний памятников, зарисовок и фотографий, биографических справок составляют уникальный архив ученого. В настоящее время Геннадий Васильевич продолжает работу в информационном отделе ГУП «Ритуальные услуги».

В авторский коллектив вошли научные сотрудники Государственного музея истории Санкт-Петербурга: Г. Г. Приамурский, знаток правобережья и Охты; Р. Е. Крупова, работавшая тогда в Петропавловской крепости; Л. Я. Лурье – ныне популярный телеведущий, журналист и педагог. Рабо-

тавшие в Государственном музее городской скульптуры Г. Н. Шкода и А. И. Кудрявцев – авторы статьи о «Литераторских мостках», ставшей, к сожалению, их последней работой. А. И. Андреев, автор трех статей сборника, хранитель мемориального музея исследователя Центральной Азии П. К. Козлова. Хранитель Рукописного отдела Пушкинского Дома Т. С. Царькова и сотрудник Института русской литературы С. И. Николаев написали статью об эпитафиях петербургского некрополя.

Священник Александр Берташ, работавший в Государственной инспекции охраны памятников, известен как автор исследований о церковной жизни Петербурга. В государственных архивах работали Н. В. Громов и А. С. Дубин, книги которого о петербургских улицах и домах хорошо известны читателям. Журналист И. А. Богданов – автор различных по темам книг: от петербургских адресов Г. Шлимана до городских ресторанов, бань и гостиниц. Тщательность работы с источниками отличает публикации В. Н. Аматуни, В. В. Валдина, В. Н. Муллина. В. М. Лукин, автор основательной статьи о Еврейском кладбище, позже занимался изучением старых еврейских кладбищ на Украине, сейчас работает в Центральном архиве еврейского народа в Иерусалиме.

К работе над книгой подключился выдающийся исследователь петербургской архитектуры В. В. Антонов. В начале 1980-х гг. Виктор Васильевич, вместе с одним из составителей этой книги А. В. Кобаком, подготовил к изданию уни-

кальную историко-церковную энциклопедию «Святыни Петербурга».[45] Готовый труд, включивший сведения обо всех православных храмах Петербурга и церквях других христианских конфессий за 300 лет существования Невской столицы, пролежал в рукописи больше 10 лет. Издать его удалось лишь после перемены социально-экономического строя в нашей стране.

Александр Валерьевич Кобак, работая в конце 1980-х гг. в Ленинградском отделении Советского фонда культуры, курировал комиссию «Некрополь». К числу запоминающихся проектов комиссии можно отнести подготовку публикации в журнале «Наше наследие» под названием «Как спасти наш некрополь». Была составлена анкета с вопросами о значении и современном состоянии исторических кладбищ тогдашнего Ленинграда. Ответы давали известные деятели культуры и науки: академик В. Н. Топоров, историки Р. Г. Скрынников, Д. И. Раскин, кинорежиссеры И. Е. Хейфиц, А. Н. Сокуров, архитектор-реставратор А. А. Кедринский, публицист П. М. Карп, литераторы Н. С. Катерли, А. Ю. Арьев, Б. В. Останин и др. Обзор материалов анкеты в сопровождался очерком по истории петербургского некрополя и впервые публикуемыми дореволюционными фотографиями старых кладбищ из архива Института истории материальной культуры

---

[45] *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Петербурга. Христианская историко-церковная энциклопедия. Т. 1–3. СПб., 1994–1996; 2-е изд.: СПб., 2003.

(ИИМК).[46]

В Центральном лектории на Литейном проспекте и Доме журналиста на Невском в 1988–1990 гг. прошли циклы лекций А. В. Кобака и Ю. М. Пирютко о храмах и кладбищах Петербурга, привлекшие внимание многих слушателей. Тема некрополя прозвучала на организованных Фондом культуры в 1989 г. первых Анциферовских чтениях.[47] В 1993 г. Фонд культуры начал издание историко-краеведческого сборника «Невский архив», в первом же выпуске которого были опубликованы материалы А. С. Дубина о Новодевичьем кладбище и Ю. М. Пирютко о мастерской А. Трискорни, специализировавшейся на надгробных памятниках.[48]

Немало статей для книги «Исторические кладбища Петербурга» подготовил Ю. М. Пирютко. С 1977 г. Юрий Минаевич хранит музейные некрополи Александро-Невской лавры. Статья историка «Трагедия петербургского некрополя» в журнале «Искусство Ленинграда» впервые подняла те-

---

[46] *Кобак А., Пирютко Ю., Чудиновская Т.* Как спасти наш некрополь? По материалам анкеты Ленинградского отделения Советского фонда культуры // Наше наследие. 1990. № 2 (14). С. 123–138.

[47] *Пирютко Ю. М.* Ленинградский пантон // Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции ЛО Советского Фона культуры. Л., 1989. С. 162–166.

[48] *Дубин А. С.* Новодевичье кладбище // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. I. М.-СПб., 1993. С. 350–386; *Пирютко Ю.М.* Братья Трискорни // Там же. С. 159–172.

му, считавшуюся неуместной на страницах прессы.[49] Библиография работ Ю. М. Пирютко насчитывает свыше полутораста публикаций, значительная часть которых посвящена мемориальной скульптуре.[50]

Даже в начале 1990-х гг. выход в свет книги, посвященной историческим кладбищам, оказался проблематичным. Местных книгоиздателей эта тема не интересовала, и подготовку тома вело московское издательство «Книга» (редактор Л. С. Еремина). В непростых условиях того времени уже готовая книга чуть не стала жертвой краха издательства. К счастью, ею заинтересовалось частное «Издательство Чернышева», благодаря чему труд авторов и составителей не пропал втуне.

Книга «Исторические кладбища Петербурга» была в 1996 г. отмечена первой Анциферовской премией. Эта премия, которую присуждают за лучшие работы о Петербурге, со времени своего учреждения завоевала авторитет и признание далеко за пределами нашего города. Ее лауреатами стали многие известные российские и зарубежные исследователи.

---

[49] *Пирютко Ю.* Трагедия петербургского некрополя // Искусство Ленинграда. 1989. № 4. С. 54–67.

[50] Материалы к библиографии петербургских краеведов: Ю. М. Пирютко // Невский архив. Вып. V. СПб., 2001. С. 581–589.

* * *

За время, прошедшее после первого издания книги в 1993 г., ситуация заметно изменилась. Библиография петербургского некрополя пополнилась рядом монографических исследований. К сожалению, до сих пор отсутствует популярный путеводитель по основным петербургским кладбищам, однако серьезные заделы в этом направлении уже осуществлены. Достаточно подробные справки об истории петербургского некрополя и отдельных кладбищах города включены в энциклопедию «Санкт-Петербург», выпущенную Фондом имени Д. С. Лихачева.[51]

Единственный в стране музей, в ведении которого находятся кладбища и усыпальницы Александро-Невской лавры и «Литераторские мостки», в 2004–2006 гг. издал три тома научного каталога «Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры».[52] К этому надо добавить не имеющее прецедентов издание в 2005–2006 гг. полных аннотированных планов музейных некрополей. К плану Некрополя мастеров искусств прилагают-

---

[51] Санкт-Петербург. Энциклопедия. Международный благотворительный фонд имени Д. С. Лихачева. СПб.-М., 2004.

[52] Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры. Научный каталог. Сост. А. А. Алексеев, Ю. М. Пирютко, В. В. Рытикова. Т. 1. Благовещенская и Лазаревская усыпальницы. СПб., 2004; Т. 2. Некрополь мастеров искусств. СПб., 2005; Т. 3. Некрополь XVIII века. СПб., 2006.

ся биографические справки по всем сохранившимся здесь 182 памятникам. На планах участков Лазаревского кладбища (Некрополя XVIII века) отмечено местонахождение 1 126 памятников этого музея под открытым небом.[53] В третий том с планами участков некрополя «Литераторские мостки» включены биографические справки о 516 деятелях литературы, искусства и науки.[54]

Серьезным вкладом в изучение иноверческого некрополя Петербурга стали труды историков В. Бёма и Р. Лейнонена. Материалы натурных обследований и систематизация архивных источников позволили создать многотомное полное описание Волковского немецкого кладбища, в которое включены как все сохранившиеся надгробия, так и утраченные, но упоминающиеся в старых описаниях некрополя.[55] В книге о Смоленском немецком кладбище, к сожалению, не переведенной на русский язык, даны описания и зарисовки памятников, которые Лейнонен изучал в течение десятка

---

[53] Государственный музей городской скульптуры. Некрополь мастеров искусств. План-путеводитель. СПб.: Центр «Севзапгеоинформ», 2006; Государственный музей городской скульптуры. Некрополь XVIII века (Лазаревское кладбище). Лазаревская усыпальница. План-путеводитель. СПб.: Центр «Севзапгеоинформ», 2006.

[54] Федеральное государственное унитарное предприятие Северо-Западный региональный центр геоинформации и маркшейдерии. Государственный музей городской скульптуры. Некрополь «Литераторские мостки». План-путеводитель. СПб., 2008.

[55] *Бём В.Г.* Волковское лютеранское кладбище Санкт-Петербурга. Справочник-путеводитель. Т. 1–3 (издание продолжается). СПб., 1998–2004.

лет.[56] Краткое, но содержательное описание этого же некрополя было издано Г. В. Пирожковым.[57]

Никольскому кладбищу Александро-Невской лавры посвящена книга Л. И. Соколовой «Когда горит свеча», включающая перечень сохранившихся могил и краткие биографические справки о некоторых погребенных.[58] В результате совместных исследований КГИОП и центра «Севзапгеоинформ» издан свод захоронений на петербургском Новодевичьем кладбище.[59] КГИОП подготовил также свод захоронений на Чесменском воинском кладбище.[60]

В Петербурге, колыбели морской славы России, на разных кладбищах похоронено немало выдающихся флотоводцев, строителей кораблей, мореплавателей. За последнее время издано два «Морских некрополя»: историка-любителя М. Р. Федорова и подохранных памятников по спискам КГИОП.[61]

---

[56] *Leinonen R., Voigt E.* Deutsche in St. Petersburg. Ein Blik auf den Deutschen Evangelisch-Lutherischen Smolenski Friedhof und die europhische Kulturgeschichte. Luneburg, 1998.

[57] *Пирожков Г.В., Пирожков Е.Г.* Смоленское лютеранское кладбище в С.-Петербурге. СПб., 1996.

[58] *Соколова Л. И.* Когда горит свеча: Из истории захоронений Никольского кладбища Александро-Невской лавры. Вып. 1. СПб., 2003.

[59] *Маркина Н. Л., Рогулина Н. В., Савинская Л. П., Шмелева О. А.* Новодевичье кладбище. СПб., 2003.

[60] *Савинская Л. П., Виноградов Ф. В.* Чесменское воинское кладбище 1941–1944. СПб., 1995.

[61] *Федоров М. Р.* Морской некрополь Петербурга. СПб., 2003; *Маркина Н. Л., Рогулина Н. В., Савинская Л. П., Шмелева О. А.* Морской некрополь. СПб., 2000.

Появился ряд книг и публикаций по отдельным кладбищам, не включенным в состав книги «Исторические кладбища». Во второй половине XX в. важное значение для истории ленинградской интеллигенции приобрело скромное поселковое кладбище в Комарово. Полное описание и план этого некрополя по состоянию на 1997 г. содержится в сборнике КГИОП «Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга».[62] Появились печатные описания Казанского кладбища в г. Пушкине, Свято-Троицкого кладбища в Петергофе, Ораниенбаумских кладбищ.[63] Представляет интерес книга настоятеля костела св. Станислава о. Кшиштофа Пожарского, посвященная уничтоженному римско-католическому кладбищу на Выборгской стороне.[64]

Фотоэкспозиция, посвященная музейным некрополям Петербурга, вошла в состав выставки «Некрополь-2002», показанной на территории Всероссийского выставочного цен-

---

[62] *Кобак А. В., Нырков А. А., Пирютко Ю.М.* Комаровский некрополь: материалы к историческому описанию // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Исследования и материалы. Вып. 4. СПб., 1997. С. 405–461. См. также: *Мельников В. А., Моженок Э. С.* Комаровский некрополь. План-путеводитель. СПб., 2000.

[63] *Гущин В.* Петергофский некрополь: Свято-Троицкое кладбище. СПб., 1997; Казанское кладбище в Царском Селе. Сост. Егоров А. Ю., Давыдова Н. А. Царское Село, 2003; *Панов В.* Царскосельский некрополь. СПб., 2005; *Парахуда В.А., Панов В.А.* Ораниенбаумский некрополь: Опыт исторической реконструкции // Невский архив. Вып. VII. СПб., 2006. С. 349–392.

[64] *Пожарский К.* Бывшее Выборгское римско-католическое кладбище в Санкт-Петербурге (1856–1950). Книга памяти. СПб. – Варшава, 2003.

тра (бывшая ВДНХ) в Москве. Организатор выставки, президент выставочного общества «Сибирская ярмарка» С. Б. Якушин с 2003 г. начал издание в Новосибирске российского информационно-аналитического журнала «Похоронное дело». В апреле того же года выставка похоронного искусства «Пантеон» прошла в Петербурге, во дворце спорта «Юбилейный». Ритуально-духовный журнал «Реквием», на страницах которого помещаются материалы о современном состоянии петербургских кладбищ, издается с 1996 г. Его издатель – журналист А. П. Сазанов, учредитель и директор редакционно-издательской фирмы «Роза мира», автор содержательной книги «Похоронное дело в России: история и современность».[65] Им создан и поддерживается тематический сайт www.requiem.ru.

Надо отметить также сайты www.funeral.spb.ru, www.kladbis4a.int2000.ru, www.petergen.com. Последний сайт (Петербургский генеалогический портал) поддерживается Русским генеалогическим обществом, которое издало на компакт-диске «Петербургский некрополь» и другие «некрополи», выходившие под покровительством великого князя Николая Михайловича. Одно из справочных изданий этого общества, подготовленное В. Н. Рыхляковым, представляет собой первую на русском языке библиографию оте-

---

[65] *Сазанов А. П.* Похоронное дело в России: история и современность. СПб., 2001.

чественной некрополистики.[66]

В организации «ритуальных услуг» за последние годы произошли определенные положительные изменения. Однако пафос книги «Исторические кладбища» сохраняет свою актуальность. Послереволюционный вандализм, разрушение традиций, агрессивный атеизм 1920-1960-х гг., планы широкомасштабной реконструкции города, в результате которой были безвозвратно утрачены многие кладбища, погибли десятки тысяч памятников – все это, к сожалению, часть нашей истории.

Чтобы уберечь исторические кладбища от полной гибели, необходимо заново осмыслить место и значение некрополя в нашей духовной жизни. Некрополь – город мертвых – это пространство особого порядка, сохранение которого в его целостности имеет непреходящее социально-нравственное значение. Упадок некрополя – симптом духовной болезни всего общества, болезни очень опасной. Надо не только совершенствовать законодательство об охране памятников, но возродить в современном обществе уважительное отношение к самому месту кладбища, выражающему идею связи поколений и исторической преемственности.

---

[66] *Рыхляков В.Н.* Избранная библиография отечественной некрополистики. СПб., 2003.

А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко
ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Книга, которую вы держите в руках, посвящена историческим кладбищам Санкт-Петербурга. Понятие *историческое кладбище* мы относим к тем городским некрополям, которые возникли и сформировались в XVIII-начале XX вв. Этот рубеж не случаен. В XX столетии во многом изменилось само сущностное понимание кладбища.

На протяжении многих веков кладбища были объектом раздумий историков и философов, поэтов и богословов. Древнейшие известные нам памятники материальной культуры связаны с погребениями мертвых и отражают представление людей о загробной жизни. Достаточно вспомнить египетские пирамиды, скифские курганы, могильники Алтая и Сибири. С кладбищами связаны многочисленные легенды, сказки, предания. В фольклоре – это место, внушающее суеверный ужас. Согласно христианскому вероучению, кладбище – священная земля, нива Божия, где умершие ждут воскресения в час Страшного Суда.

В России, вплоть до отделения церкви от государства, кладбища были прежде всего церковными учреждениями. Все особенности их повседневной жизни и устройства опре-

делялись религиозными понятиями. Многовековая церковная традиция придавала духовный смысл всему кругу обрядов, связанных с тайной смерти, погребением и поминовением умерших, уходом за могилами. Как и в большинстве европейских государств, русские кладбища XVIII-начала XX вв. находились в ведении духовного начальства и носили строго конфессиональный характер (православные, католические, лютеранские, магометанские, еврейские и т. д.).

После революции потеряла смысл социальная топография кладбищ, их разделение на «богатые» и «бедные», как и существование внутри них особых участков – «разрядов», различавшихся по стоимости погребения. Наконец, изменилось отношение к надгробию как художественному произведению, сочетающему выразительные средства архитектуры, скульптуры, геральдики, эпитафии.

Петербург в течение двух столетий был столицей Российской Империи, средоточием ее политической, экономической, культурной жизни. Петербургский некрополь – это летопись города, хранящая тысячи имен государственных деятелей, военных, ученых, артистов, писателей, художников, музыкантов – цвет духовной и политической жизни России.

«Надгробный камень петербургского кладбища, пролежавший на могиле около 150 лет, – это для молодого Петербурга уже весьма почтенная старина, заслуживающая полного уважения»[67]. Так писал 130 лет назад исследователь в ста-

---

[67] *Полевой П. Н.* Забытые могилы // Ист. вести. 1885. Т. 20. С. 676.

тье, посвященной «забытым могилам». Ущерб, нанесенный историческим некрополям города после революции, не сравним по своим масштабам с предшествующей эпохой. Безвозвратно погибли тысячи исторических захоронений и художественных надгробий. Многие кладбища уничтожены целиком; те, что сохранились, – разорены и запущены. Сейчас невозможно еще в полной мере оценить исторические, культурные и нравственные последствия этого явления.

Там, где живут люди, – там есть кладбища. Веками люди хоронят на них своих близких, приходят на могилы. Но иногда, в периоды исторических потрясений, традиционный уклад рушится. Меняется общественное сознание, становится иным состав населения – и связь поколений ослабляется. Потомки перестают посещать могилы предков. Такие кладбища есть (или недавно еще были) в каждом городе. Как правило, их судьба складывалась трагично.

Лишь в последние годы стала сознаваться глубокая общественная потребность в бережном и уважительном отношении к кладбищам, как важнейшему хранителю исторической памяти народа. Изучение их представляет огромный интерес в самых различных аспектах социально-экономической, общественной, политической, духовной истории не только Петербурга, но и всей России.

История Города и Некрополя неразделимы. «Кладбище, – отмечал Д. С. Лихачев, – это элемент города, своеобразная и очень ценная часть городской архитектуры». Как бы продол-

жая эту мысль, академик В. Н. Топоров писал: «Для города такого уникального культурно-исторического значения, как Ленинград, любое нарушение исторически сложившихся «культурных» объектов или чисто «природных» урочищ (кладбища сочетают в себе и то и другое) – от физического разрушения или своевольного изменения до переименования – преступление, которое не имеет оправданий»[68].

* * *

Санкт-Петербург был основан 16 (27) мая 1703 г., в праздник Святой Троицы, день почитания важнейшего символа христианского единения и любви. Обстоятельство это имело глубокий смысл при основании города, которому суждено было стать столицей великого государства.

Примечательно, что праздник Троицы по православной традиции связан с поминовением мертвых. Наверное, и в тот майский день в памяти свидетелей закладки нового города были те, кто погиб в боях Северной войны, в огне которой родился Петербург. Война эта была начата с целью возвращения земель русского северо-запада – Верхней Руси, в течение восьмидесяти шести лет находившихся под шведским владычеством. Приневские земли издавна входили в состав владений Великого Новгорода.

---

[68] Наше наследие. 1990. № 2. С. 128.

На территории современного Петербурга уже в XVI в. было несколько десятков деревень, состоявших из тысячи восьмидесяти двух дворов. Местное население включало как славян, так и ижору, чудь, весь, карелов – коренных жителей этих земель. Их образ жизни, предания, традиции оказывали влияние и на обычаи, связанные с погребением. Разумеется, на этих землях были кладбища. Обычно они размещались к западу от села, за околицей. Характерной особенностью невских земель было то, что часто место погребения выбиралось вблизи реки. Можно предполагать, что старейшие из известных нам петербургских кладбищ располагались на месте древних скуделен. Так, было кладбище у деревни Калинкиной, известной с новгородских времен. Место для Александро-Невского монастыря с кладбищем при нем выбрали у деревни Вихтула. Охтинское кладбище находилось первоначально на берегу Невы, к западу от шведского города с крепостью Ниеншанц. Кладбище в западной части Васильевского острова было вблизи финских деревушек, известных до основания Петербурга, и т. д.

В первые годы существования Петербург обходился без регулярных городских кладбищ. Быт молодого города, возводимого фактически на пустом месте, еще не наладился, строители в большинстве надеялись, отработав повинность, вернуться в родные места. К осени 1703 г. на строительстве было уже занято около двадцати тысяч человек. «Работные люди из городов уже многие пришли и непрестанно прибав-

ляются», – писал Петру I князь А. Д. Меншиков. Ежегодно в Петербург должно было являться сорок тысяч рабочих, однако такого количества не набиралось. На строительстве трудилось примерно двенадцать—восемнадцать тысяч людей. Крестьяне и посадские люди приходили на одну смену, продолжавшуюся два месяца, после чего отправлялись по своим селам и городам. Лишь через десять лет трудовую повинность полностью отменили и строительные работы стали проводиться людьми, привлеченными по вольному найму.

Кроме рабочих (так называемых «подкопщиков»), город нуждался в мастерах строительного дела, которые по указу Петра направлялись в Петербург на вечное житье в принудительном порядке. Это были переведенцы – кузнецы, кирпичники, каменщики, гончары, столяры, плотники, ямщики. Они селились слободами и составили первоначальное ядро коренного населения Петербурга.

Недоедание, непривычный климат, болезни делали свое дело: смертность среди рабочих была высока. Иностранцы определяли число погибших на строительстве Петербурга в шестьдесят, восемьдесят, даже в сто тысяч человек. Эти цифры, вероятно, преувеличены, но нет сомнения в том, что земля будущей столицы упокоила не один десяток тысяч ее устроителей.

Как хоронили первых строителей Петербурга? По словам В. Берггольца, «крестьян, которые умирали на работах в пе-

тербургской крепости, тотчас же там и зарывали». Х. Вебер сообщал, что к 1718 г. в Петербурге «были запрещены вой и приговаривания над умершими и вообще весь обряд погребения рабочих был самый немногосложный: если умирал крестьянин, то его клали где-нибудь на видное место и зажигали восковую свечу, чтобы вызвать у проходящих подаяние на погребение; сострадательные прохожие клали деньги у свечи, и когда близкие покойного и те, кто взялся похоронить его, считали сбор достаточным на покрытие издержек, то завертывали тело в рогожу, завязывали его кругом веревками, как мешок, и клали на носилки, которые двое носильщиков на плечах относили к могиле»[69].

27 июня 1709 г., в день святого Сампсония Страннопримца, русские войска одержали победу под Полтавой, обозначившую решительный перелом в Северной войне. Реальная опасность более не угрожала Петербургу. Появилась уверенность, что, по слову Петра, «от малой хижины возрастет город».

С Полтавской победой связано возникновение первого исторически известного кладбища Петербурга — *Сампсониевского.* Через пять месяцев после «баталии» в память об этом событии на Выборгской стороне заложили бревенчатую церковь, освященную в 1710 г. К этому времени относится упоминание о существовании при ней кладбища. Через четыре года при церкви была открыта первая в городе бога-

---

[69] *Пекарский П.П.* Петербургская старина // Современник. 1860. Т. 81. С. 336.

дельня.

Деревянная церковь вскоре обветшала, и в 1728–1740 гг. рядом был возведен каменный храм с шатровой колокольней над воротами. Старую церковь разобрали, на месте ее алтаря устроили часовню. При жизни Петра и вплоть до середины XVIII в. день Полтавской битвы отмечался торжественным богослужением и парадом в высочайшем присутствии. Позже в этот день в Сампсониевской церкви (с 1909 г. – соборе) ежегодно служился молебен и панихида с провозглашением вечной памяти Петру Великому.

В XVIII в. правый берег Большой Невки, близ которого находится Сампсониевский храм, считался предместьем. Отсюда начиналась дорога на Выборг – одно из важных стратегических направлений в годы Северной войны. Хотя переправа с берега на берег до устройства во второй половине XVIII в. плашкоутного Сампсониевского моста осуществлялась лишь через перевоз, а зимой – по льду, Выборгская дорога была достаточно оживленной.

Старая традиция размещать кладбище за городской чертой, зримо выражавшейся рекой, удобно сочеталась здесь с близостью к проезжей дороге. Так выбиралось место и в дальнейшем: для Ямского кладбища близ Новгородской дороги, для Калинкинского – у Нарвского тракта.

Вряд ли случайно посвящение Полтавской победе храма, стоящего в начале дороги, что вела к владениям шведского короля. Символика названия, как всегда в петровское вре-

мя, многозначна: имя святого Сампсония, покровительствующего путникам, придает особый смысл кладбищу при храме – последнему приюту земных странников.

Сампсониевское кладбище было городским. Здесь хоронили дворян, мещан, купцов, ремесленников – простой люд и «благородных». Различным был и характер погребений: от «князь-папы» П. И. Бутурлина, похороненного в присутствии Петра I, до умершего в 1726 г. в Петропавловской крепости И. Т. Посошкова, автора известной «Книги о скудости и богатстве». В 1721 г. здесь похоронили сибирского губернатора князя М. П. Гагарина, повешенного за казнокрадство, в 1740 г. были преданы земле останки казненных А. П. Волынского, П. М. Еропкина, А. В. Хрущова.

С первых лет существования Петербурга появилась необходимость в особых кладбищах для жителей иностранного вероисповедания. Военные специалисты, инженеры, механики, архитекторы, ученые, медики, мастера адмиралтейской верфи – множество людей родом из Голландии, Франции, Швейцарии, Дании, германских княжеств оказались в это время в России, внося заметный вклад в строительство города на берегах Невы.

В допетровской православной Руси не только место погребения, но и само место жительства иностранцев было строго изолировано (как, например, «Немецкая слобода» в Москве). То же, кстати, было и в других европейских странах: в католических Испании и Италии иноверцы не могли

быть похоронены в ограде «священной земли» церковного кладбища.

В Петербурге веротерпимость с самого начала была важной чертой городского быта. С 1706 г. близ Главной аптеки на левом берегу Невы существовал католический приход со своей церковью. Протестанты молились в церкви на дворе адмирала К. И. Крюйса. Шведы и финны, переехавшие в Петербург из разоренного Ниеншанца, совершали богослужения в наемном доме в районе «финских шхер» близ Мойки. Безразличие основателя города к тонкостям церковного исповедания доходило до того, что по его повелению иноверцев Р. Арескина и А. Вейде похоронили в православном Невском монастыре. Но, как правило, иностранцев погребали в специально отведенных местах вблизи городских православных кладбищ.

Недалеко от Сампсониевского православного кладбища, выше по течению Большой Невки, появилось иноверческое («немецкое») кладбище. Известно, что на нем были похоронены братья Блументросты: архиатер Иван Лаврентьевич (1676–1756) и лейб-медик Лаврентий Лаврентьевич (1692–1755), первый президент Санкт-Петербургской Академии наук. Среди первых петербургских академиков, погребенных на Сампсониевском: филолог и историк Готлиб Байер (1694–1738), математик Кристиан Гольдбах (1690–1764). Сампсониевское немецкое кладбище памятно в истории петербургского искусства. Здесь были похоронены зодчие Жан

Леблон (1679–1719), Николаус Гербель (ум. 1724), Доменико Трезини (1670–1734), живописец Георг Гроот (1716–1749), скульптор Бартоломео Растрелли (1675–1744), а возможно, и сын последнего, архитектор Франческо Растрелли (1700–1771).

В ограде Сампсониевского храма недалеко от руководителя «Комиссии о Санкт-Петербургском строении» П. М. Еропкина (1698–1740) был погребен строитель здания Академии художеств А. Ф. Кокоринов (1726–1772)[70].

Упразднение Сампсониевских кладбищ – православного и иноверческого – произошло в 1770-е гг., но территория долгое время не была застроена; отдельные надгробные плиты во дворе церкви и в стенах храма сохраняются до настоящего времени.

В 1710-е гг. Сампсониевское кладбище не было единственным на правом берегу Невы. По указу Петра I, в 1715 г. на Выборгской стороне «в мазанках» были открыты морской, а четырьмя годами позже – сухопутный госпитали. При них упоминается особое *«госпитальное кладбище»* с церковью святого Иоанна Богослова, приписанной к Сампсониевской. Кроме того, в восточной части Аптекарского острова, рядом с Ботаническим садом, находилось еще одно инославное *Аптекарское кладбище.* Оно возникло раньше Сампсониевского, после открытия которого на Аптекарском хоронили главным образом весной и осенью, когда ледоход или

---

[70] Александр Филиппович Кокоринов // Нива. 1870. № 52.

шторм нарушал связь с Выборгской стороной.

Вторым городским кладбищем стало *Ямское*. По указу 1713 г., в Петербург переселили «ямщиков лучших и семьянистых», которые составили население Ямской слободы, располагавшейся по Московскому (Новгородскому) тракту. В 1718–1719 гг. ямщики выстроили в слободе деревянную приходскую церковь Рождества Иоанна Предтечи. Позднее, в 1748–1749 гг., здесь была сооружена каменная церковь во имя Воздвиженья Животворящего Креста Господня (перестроенная в середине XIX в.).

19 июля 1719 г. Петр I послал архимандриту Невского монастыря Феодосию указ: «…в ямской слободе от церкви в длину до Черной речки и в ширину от церкви по обе стороны [отмерить] по пятидесяти сажень для погребения в том месте умерших тел всякого чина людей здешней стороны, зделать ограду деревянную по обыкновению… из бедных умерших не имая никакой платы погребать, а окроме вышеозначенного места нигде не погребать»[71]. Наблюдение за порядком на устраиваемом кладбище поручалось «ямской слободы почтмейстеру». В указе отмечалось: «…а ежели кроме вышеозначенного места близ того в рощицах как где инде станут хоронить, так и в указанном месте в погребении кто какое препятствие будет чинить, и то взыщется на оном почтмейстере». Судя по этому указанию, в окрестных «рощицах» хоронили и до официального устройства Ямского

[71] РГИА. Ф. 796. Оп. 13. Д. 406. Л. 7.

кладбища. Как и Сампсониевское, это кладбище перестало существовать в 1770-е гг.

Старейшим кладбищем Петербурга, сохранившимся до наших дней, является *Лазаревское* в Александро-Невской лавре (музейный Некрополь XVIII века). Формирование этого некрополя началось вскоре после освящения в 1713 г. первой в монастыре деревянной Благовещенской церкви. Рядом с ней в 1717 г. построили каменную Лазаревскую часовню для погребения сестры Петра I царевны Натальи Алексеевны.

Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры

Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры

Лазаревское кладбище не было приходским. На нем хоронили лишь знатных особ, по повелению, а часто и в личном присутствии Петра I. Так, в 1719 г. здесь был похоронен генерал-фельдмаршал граф Б. П. Шереметев, что открыло традицию погребения в Невском монастыре выдающихся военачальников[72].

Петербург в течение всего исторического существования Российской Империи был столицей государства. В Петропавловской крепости, основание которой стало днем рожде-

[72] Более подробные сведения о сохранившихся до нашего времени некрополях см. во второй части настоящего издания.

ния города, находилась *императорская усыпальница* – придворный Петропавловский собор. Царский двор переехал в новую столицу в 1712 г., и с этого времени почти всех представителей царствующей династии хоронили в Петербурге. До этого в течение трех с половиной веков усыпальницей русских царей был Архангельский собор в Московском Кремле.

Петропавловский собор в крепости сооружался в 1712–1733 гг., но первое погребение в нем относится к 1715 г. Под недостроенной еще колокольней была похоронена жена царевича Алексея Петровича, принцесса Брауншвейг-Люнебургская Шарлотта, скончавшаяся вскоре после родов сына, будущего императора Петра II. Вечером 30 июня 1718 г. в присутствии Петра I рядом было предано земле тело ее мужа, замученного царевича Алексея.

Ранг императорской усыпальницы Петропавловский собор приобрел лишь после смерти Петра Великого. Он скончался 28 января 1725 г., рано утром. В течение сорока дней происходило прощание с покойным императором. Между тем 4 марта умерла любимая младшая дочь Петра, царевна Наталья Петровна. 10 марта под звон церковных колоколов и пушечную пальбу тела Петра I и его дочери были перенесены по льду Невы из старого Зимнего дворца в Петропавловскую крепость. Гробы установили в специальной деревянной часовне посреди недостроенного собора. После отпевания архиепископ Новгородский Феофан Прокопович произ-

нес знаменитую проповедь, которая считается лучшим образцом его ораторского искусства. В 1727 г. в часовне установили гроб императрицы Екатерины I. Лишь в 1731 г. соорудили постоянную усыпальницу Петра, а через два года, 26 июня 1733 г., архиепископ Феофан освятил оконченный Петропавловский собор.

На территории крепости существует небольшое *Комендантское кладбище.* В 1720 г. у алтаря собора похоронили коменданта крепости графа Р. В. Брюса, и затем по традиции здесь погребали всех начальников крепости.

К концу царствования Петра I сложилась определенная система петербургского некрополя. В центре города возвышался Петропавловский собор – символ и архитектурная доминанта столицы, усыпальница ее основателя и членов императорской фамилии. За пределами Петербурга находились городские кладбища: на севере – Сампсониевское; на юге, на левом берегу Невы, – Ямское. Особое место занимало аристократическое Лазаревское кладбище Невского монастыря, закрытое для рядовых погребений.

Одновременно делались попытки прекратить захоронения у городских приходских церквей. Указ 1725 г. предписывал «мертвых человеческих телес, кроме знатных персон, внутри городов не погребать, а погребать их в монастырях и приходских церквах вне городов»[73]. Однако при большинстве приходских церквей Петербурга в первой половине

[73] ПСЗ. Собр. 1. Т. 7. 1725. № 4322. С. 130.

XVIII в. все же появились кладбища, захоронения на которых продолжались на протяжении нескольких десятилетий.

В Великий пост 1722 г. начались службы во временной церкви, расположенной в западной части Петербургского острова, где квартировал Невский гарнизонный полк под командой П. Колтовского. По его имени называлась Колтовская слобода, жители которой были прихожанами нового храма, как и служащие «зелейных» (пороховых) заводов и жители соседних Крестовского и Аптекарского островов. При церкви появилось *Колтовское кладбище,* где хоронили, кроме местных жителей, жертв расположенной поблизости Тайной канцелярии. Среди них был восьмидесятидвухлетний иеросхимонах Иоанн, первый настоятель Саровской обители. В 1726–1727 гг. взамен временной в Колтовской возвели деревянную приходскую церковь во имя Преображения Господня. С устройством дорог, соединивших отрезанную болотами Колтовскую слободу с центральной частью Петербургского острова, кладбищем стали пользоваться и другие его жители. Погребали здесь до конца 1770-х гг. Преображенская церковь, перестроенная в камне в 1860-е гг., снесена в 1932 г.[74]

---

[74] Многие сведения о снесенных церквах были впервые опубликованы В. В. Антоновым и А. В. Кобаком в каталоге выставки «Утраченные памятники архитектуры Петербурга-Ленинграда» в 1988. Подробные сведения см.: *Антонов В.В., Кобак А.В.* Святыни Петербурга. Христианская историко-церковная энциклопедия. Т. 1–3. Спб., 1994–1996; 2-е изд.: СПб, 2003.

Вознесенская церковь

Еще при Петре I для рабочих Адмиралтейства поставили в Переведенских слободах на берегу Глухой речки походную церковь. (Это место на пересечении Екатерининского канала с Вознесенским проспектом.) В 1728–1729 гг. по проекту И. К. Коробова был построен деревянный храм Вознесения Господня. Через три месяца после освящения, 8 мая 1729 г., последовало разрешение «при оной церкви быть погребению мертвых телес, понеже та церковь состоит от жилья не в близости; и погребать те телеса на порозжих местах, где берез

не имеется, чтоб тех берез повреждения не было отныне»[75]. *Вознесенское кладбище,* «по прешпективной от Адмиралтейства чрез Синий мост дороге за Глухой речкой, где места к Фонтанной речке», считалось действующим наряду с Сампсониевским и Ямским[76]. Уже после упразднения этого кладбища, в 1755–1769 гг., по проекту А. Виста и А. Ринальди был построен пятиглавый храм Вознесения Господня с высокой колокольней (взорван в 1936 г.).

Еще одно кладбище, история которого восходит к 1720-м гг., находилось близ Калинкиной деревни, по дороге на Екатерингоф. Здесь, на левом берегу Фонтанки, в петровские времена существовала шпалерная мануфактура, при которой в 1721 г. была построена деревянная церковь святой Екатерины. Кладбище назвали *Калинкинским,* или *Екатерингофским.* Рядом находилось и небольшое лютеранское кладбище.

В 1729–1732 гг. на Преображенском (Васильевском) острове по просьбе местных жителей был построен бревенчатый храм во имя св. апостола Андрея Первозванного. *Кладбище при Андреевской церкви* появилось самовольно, с 1738 г. захоронения на нем были запрещены.

Не о всех приходских кладбищах первой половины XVIII в. сохранились документальные свидетельства. Судить об их существовании часто приходится по косвенным дан-

---

[75] ЦГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 581. Л. 100.

[76] РГИА. Ф. 796. Оп. 13. Д. 406. Л. 4.

ным. Так, в 1710-е гг. на Выборгской стороне возникли Компанейская и Бочарная слободы, где жили работавшие для армии пивовары и бондари. Церковь во имя Спаса Происхождения Честных Древ, называвшаяся в народе *Спасо-Бочаринской,* упоминается с 1714 г.; в 1749–1752 гг. ее заменили каменной. Документов об учреждении и закрытии при ней кладбища не обнаружено, но могильные плиты 1770-х гг. сохранялись на этом месте до начала XX в.[77]

После недолгого затишья в строительстве Петербурга, когда в 1728–1730 гг. двор переехал в Москву, с воцарением Анны Иоанновны столица вернулась на берега Невы. Новый этап строительства города коснулся и петербургского некрополя.

Осенью 1732 г. императрица утвердила особый доклад Синода о «погребальных местах» в Петербурге. В нем указывалось, что «чинилось и поныне чинится погребение усопших» при Сампсониевской церкви «в батальоне», Предтеченской – в Ямской слободе, и, с недавнего времени, при Вознесенской – в Переведенских слободах. «А понеже при вышепоказанных двух Сампсониевской и Предтеченской церквах, где чинятся погребения, места весьма низкие и водяные, а затем могилы копать глубоко никак невозможно. И тако телеса в землю кладутся недалеко, которых уж там положено число великое, отчего (для известных резонов) име-

[77] Петербургский некрополь. Т. 1. С. 10.

ется и опасение»[78]. Поэтому указ предписывал Сампсониевское и Ямское кладбища из городских превратить в приходские – «погребение чинить бы токмо их прихода жителям, а при других бы в Санкт Питер Бурхе церквах того погребения не чинить».

Указ 1732 г. определил четыре кладбищенских места, а практически законодательно утвердил ранее возникшие кладбища. Учитывая, что «от штурмов на реке Неве и в разлитии внешней воды жителям в перевозах усопших телес бывает немалая трудность», место для погребения назначалось на Петербургском острове *при Матфиевской церкви* в слободе Белозерского пехотного полка (освящена в 1720 г.). Однако уже весной следующего года место это признали «низким и водяным», и вновь было велено хоронить при церкви Преображения Господня в Колтовской слободе. «Кладбищное место» на Васильевском острове намечалось близ Галерной гавани. Указано было также место при церкви на Большой Охте, «а когда штурмы и наводнения прислучатся, тогда оное погребение чинить против охтенских слобод на Московской стороне».

Местоположение последнего кладбища историки Петербурга не смогли с достоверностью определить. Согласно протоколу Синода от 25 октября 1732 г., *на Московской стороне напротив Охты* отводился участок длиной и шириной по сто сажень. Предписывалось построить там «каменную дли-

---

[78] РГИА. Ф. 796. Оп. 13. Д. 406. Л. 14–15.

ной в пять, а в ширину по третьи сажени часовню и покрыть тесом по рисунку данному ей архитектором и в ней святые образа поставить и вокруг той часовни учинить ограду деревянную какую пристойно»[79]. Неизвестно, были ли эти работы осуществлены. П. Н. Петров считал, что кладбище находилось в Рождественской части, там, где позднее был построен храм Рождества Христова (в районе современной 6-й Советской ул.)[80]. Между тем по смыслу указа место определялось напротив существовавшего кладбища на Большой Охте. Таким образом, оно могло находиться там, где с 1744 г. приступили к строительству Смольного монастыря.

В 1737 г. при Кабинете императрицы Анны Иоанновны «для основательного определения обо всем строении здесь в Санктпетербурге… и для учинения о том твердого плана» была образована Комиссия о Санкт-Петербургском строении, которой предписывалось разработать проект реконструкции и дальнейшего развития столицы, сильно пострадавшей от катастрофических пожаров 1736 и 1737 гг. В ведение Комиссии вошел и вопрос о столичных кладбищах, постоянно занимавший и светскую, и церковную власть.

Архитекторы Комиссии обследовали все петербургские кладбища, и на основе их рекомендаций в 1738 г. последовало новое распоряжение Синода о «местах, где надлежит быть погребениям». Таких мест утверждено было пять: «1.

---

[79] Там же. Л. 18–19.

[80] *Петров П. Н.* Указ. соч. С. 281.

На Московской стороне Ямской слободы. 2. На Адмиралтейской стороне позади Калинкиной. 3. На Васильевском острове у Черной речки. 4. На Аптекарском острове близ Малой Невки. 5. На Выборгской стороне у церкви святого Сампсона странноприимца»[81]. Кладбища у Вознесенской церкви в Переведенских слободах и у Преображенской в Колтовских были упразднены, а Сампсониевское, Ямское и Калинкинское вновь стали городскими. В указе 1738 г. впервые было упомянуто будущее Смоленское кладбище («у Черной речки») на Васильевском острове. Кладбище в западной части Аптекарского острова, которое позднее стали называть *Карповским,* предполагали устроить вместо Колтовского. Однако устройство растянулось на много лет, о чем будет упомянуто ниже.

В 1739 г. пять определенных указом кладбищенских мест были приняты в духовное ведомство. В следующем году к каждому из них был определен штат могильщиков «из отставных солдат в богадельнях, которые покрепче здоровьем», в количестве четырех человек. Приходским священникам было велено записывать отпеваемых в метрические книги, а кладбищенским причтам – вести особые записи погребенных.

Императрица Анна Иоанновна, правление которой было отмечено серьезными мерами по устройству петербургских кладбищ, незадолго до кончины дала еще одно распоряже-

---

[81] РГИА. Ф. 1601. Оп. 1. Д. 33.

ние. Увидев из окон Зимнего дворца похоронную процессию, она нашла это «весьма непристойным», ибо «для таких случаев, чтобы мертвые тела и прочее тому подобное проносить или провозить, много иных дорог сыскать можно»[82].

Указы 1730-х гг. несколько упорядочили кладбищенское дело в Петербурге, однако зачастую они противоречили друг другу и выполнялись медленно. Размещение городских кладбищ шло в значительной степени стихийно. Старая русская традиция устройства погостов – церквей, в ограде которых находится небольшое кладбище, – продолжалась в первые десятилетия и в Петербурге. Этому способствовало заселение многих частей города слободами, образовывавшими отдельный приход со своей церковью.

В 1740 г. в северной части Васильевского острова, «за второю першпективою» (Средним проспектом), была выстроена деревянная *Благовещенская церковь.* Спустя десять лет заложили высокую пятиглавую церковь с трехъярусной колокольней, строительство которой растянулось до 1765 г. При церкви разрешено было хоронить при условии десятирублевого вклада на ее строительство. На кладбище, существовавшем до начала 1770-х гг., были похоронены, в частности, академик С. П. Крашенинников, механик и изобретатель А. К. Нартов, гравер М. И. Махаев.

Еще одно небольшое кладбище появилось вблизи казарм морских служителей около 1743 г., когда при них была освя-

---

[82] ПСЗ. Собр. 1. Т. 11. 1740. № 8060. С. 77.

щена деревянная *церковь святого Николая Чудотворца.* В 1752–1760 гг. неподалеку возвели по проекту С. И. Чевакинского величественный Никольский морской собор, но кладбище при нем ни в одном источнике не упоминается.

В апреле 1746 г. императрица Елизавета Петровна издала указ о закрытии Калинкинского и Вознесенского кладбищ (последнее было упразднено еще указом 1738 г.). Причиной стало то, что веселая императрица «во время высочайшего своего шествия в Екатерингоф оные кладбища усмотреть изволила». Велено было засыпать их землей, а «погребать впредь мертвые тела в Ямской Московской слободе, на Охте и на Выборгской стороне, а окромя оных в других местах… мертвых тел не погребать»[83]. Фактически в царствование Елизаветы Петровны предполагалось ликвидировать все кладбища в тогдашних границах города, но с этим задержались на несколько десятилетий.

Указом от 11 мая 1756 г. в Петербурге были учреждены три новых кладбищенских места. Для жителей Адмиралтейской части кладбище было назначено «по сю сторону Волковой деревни», второе место указывалось на Васильевском острове «в сторону от Галерной гавани» и, наконец, третье – на Выборгской дороге. Последний участок примыкал, по-видимому, к старому Сампсониевскому кладбищу, где по-прежнему хоронили как православных, так и иноверцев.

Места для православных кладбищ назначались длиной в

---

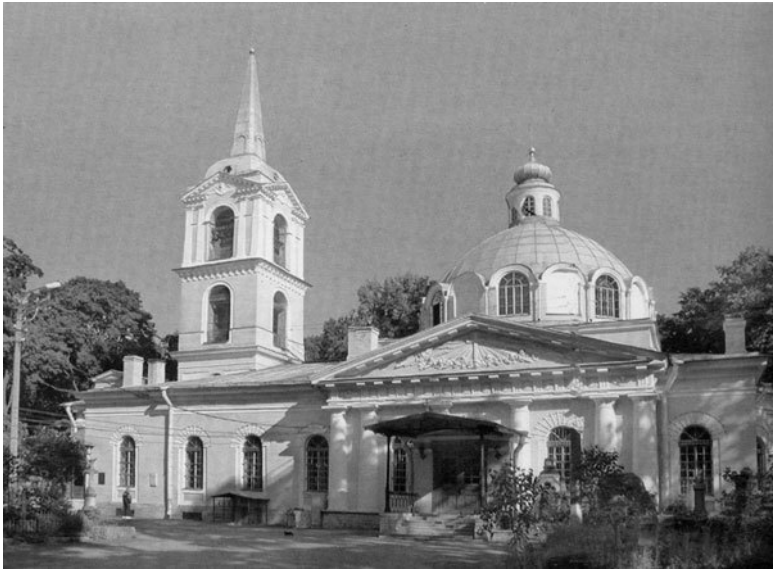
[83] Там же. Т. 12. 1746. № 9276. С. 542.

сто двадцать и шириной в восемьдесят сажень. Архитектор Х. Кнобель составил смету «на строение на местах кладбищ часовен, на городьбу и на засыпку прежних кладбищ, на покупку материалов и на наем вольных работных людей». Все работы велено было «исправлять не продолжая ни малого времени». Предполагалось, что как только на новых кладбищах будут построены часовни, на старых хоронить прекратят[84].

Указ 1756 г. положил начало существованию двух наиболее известных некрополей старого Петербурга, сохранившихся до нашего времени, – Смоленских и Волковских кладбищ. Правда, в отношении *Смоленского кладбища* указ фактически лишь подтвердил уже сложившуюся к тому времени традицию погребений в северо-западной части Васильевского острова у Черной речки, между 18-й и 23-й линиями. Деревянная церковь Смоленской иконы Божией Матери была освящена осенью 1760 г. Кладбищенское место обнесли забором, с западной стороны прорыли канал для осушения заболоченной местности. По Смоленской церкви получила новое название и река Смоленка («Черная речка»). Через два года при кладбище появились две богадельни – мужская и женская.

---

[84] Там же. Т. 14. 1756. № 10553. С. 566.



Церковь Смоленской Божией Матери

Надгробие А. П. Захарова на Смоленском православном кладбище

Обветшавшая деревянная церковь была в 1772 г. перестроена и освящена во имя Михаила Архангела. На месте старых богаделен в 1786–1788 гг. возвели каменный Смоленский храм, сохранившийся до нашего времени.

Смоленское кладбище, серьезно пострадавшее во время катастрофических наводнений 1777 и 1824 гг., осталось, в числе наиболее крупных и известных петербургских некрополей. С 1820-х гг. начались паломничества к месту погребения на Смоленском кладбище блаженной Ксении Петер-

бургской, народное почитание которой было подтверждено в 1988 г. актом церковной канонизации.

Уже к концу XIX в. число похороненных на Смоленском православном кладбище доходило до четырехсот тысяч человек. Территория несколько раз расширялась и достигла к 1860-м гг. ста восьмидесяти тысяч квадратных сажень (около 82 га).

Хоронили на Смоленском, в первую очередь, жителей Васильевского острова, но часто погребальные процессии направлялись сюда и из других частей города. По традиции здесь хоронили интеллигенцию: университетских профессоров, академиков, художников, артистов, писателей. Навсегда история этого кладбища связана с днем 10 августа 1921 г., когда Петроград провожал в последний путь Александра Блока… В грозном 1942 г. в далекой эвакуации Анна Ахматова вспоминала о Смоленском:

А все, кого я на земле застала,
Вы, века прошлого дряхлеющий посев!

Вот здесь кончалось все: обеды у Донона,
Интриги и чины, балет, текущий счет…
На ветхом цоколе – дворянская корона
И ржавый ангелок сухие слезы льет.

Близ другого берега Смоленки, на острове Голодай, с 1747 г. существовало кладбище «для разных вер чужестран-

ных» жителей Петербурга, коих было в то время пять тысяч пятьсот шестьдесят два, т. е. около восьми процентов столичного населения[85]. Значительная часть иностранцев проживала на Васильевском острове. Кладбище называли *Смоленским лютеранским евангелическим,* но хоронили здесь и католиков, не имевших до середины XIX в. особого места погребения. В 1791 г. было учреждено поблизости *Армянское кладбище,* «на коем коллежский советник Лазарев желает построить для помещения и призрения бедных каменное жилище, а для погребения умирающих армян каменную небольшую церковь»[86].

---

[85] *Юхнева Н. В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 22.

[86] ПСЗ. Собр. 1. Т. 23. 1791. № 16945. С. 215.

Надгробие на Волковском православном кладбище

Кладбище у Волковой деревни было учреждено взамен за-

крытого Ямского. Место для него назначили на левом берегу Черной речки, в устье которой находился Невский монастырь. В начале XIX в. был прорыт Обводный канал, разорвавший эту речку; нижняя ее часть стала называться Монастыркой, а верхняя – Волковкой. *Волковское кладбище* было открыто к концу лета 1756 г. в том же году здесь похоронили почти девятьсот человек. К 1880-м гг. протяженность кладбищенских дорожек – «мостков» (их мостили от сырости досками) – достигала двенадцати верст, а численность погребенных приближалась к шестистам тысячам.

Первая деревянная церковь во имя Спаса Нерукотворного появилась на кладбище в 1759 г. Вместо нее в 1837–1842 гг. соорудили большой пятикупольный храм по проекту В. И. Беретти и Ф. И. Руска. В северо-западной части кладбища в 1777 г. освятили деревянную церковь Воскресения Христова, но через пять лет она сгорела. Каменную Воскресенскую церковь закончили к 1785 г. В начале XX в. на Волковском православном кладбище было пять церквей, богадельня для вдов и сирот придворного духовенства, начальная школа. Участок за Воскресенской церковью был известен как место погребения писателей, журналистов и общественных деятелей либерально-демократического направления. Дорожка, ведущая к могиле В. Г. Белинского (ум. 1848), в конце XIX в. получила вошедшее в историю русской интеллигенции название *Литераторские мостки.*

В 1772 г. на другом берегу р. Волковки появилось люте-

ранское кладбище, приписанное к Петропавловской кирхе на Невском проспекте. Тут же была и католическая дорожка. Как и на Смоленском, на *Волковском лютеранском кладбище* похоронено немало выдающихся людей: военных деятелей, путешественников, ученых, литераторов, творчество которых стало неотъемлемой частью отечественной культуры.

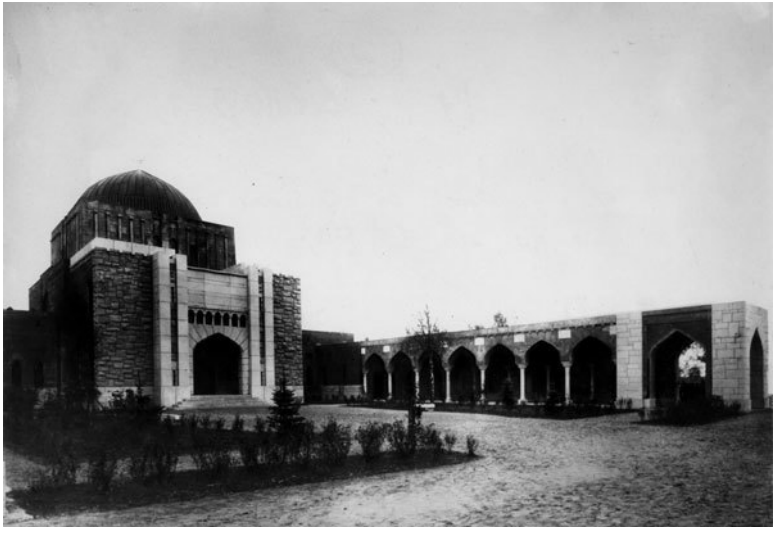
Волковское лютеранское кладбище

Через пять лет вблизи лютеранского кладбища получили место для погребения *федосеевцы* – наиболее многочисленная и богатая в столице община старообрядцев-беспоповцев.

Еще одно отделение Волковского кладбища образовалось в 1799 г., когда часть старообрядческого кладбища перешла к *единоверцам,* которых активно поддерживал Павел I. Две церкви действовали на единоверческом отделении, федосеевский храм с богадельней – на старообрядческом. Наконец, в 1802 г. лютеранская община выделила небольшой участок земли для устройства *еврейского* кладбища. Таким образом, Волковское кладбище превратилось в огромный массив, включавший некрополи разных исповеданий.

Склеп М. Руска на Волковском лютеранском кладбище

По мере развития Волковских и Смоленских кладбищ, ставших основными для всего города, были окончательно закрыты старые кладбища при приходских церквах. В 1756 г. вновь поступило распоряжение старые кладбища «засыпать землей и песком и утрамбовать на пол-аршина»[87]. К концу столетия некоторые участки старых кладбищ (Сампсониевского, Вознесенского) продали в частное владение.



Дом омовения и отпевания на Еврейском кладбище

Среди петербургских кладбищ XVIII в. есть такие, о существовании которых известно лишь по отдельным упоми-

[87] Там же. Т. 14. 1756. № 10537. С. 3.

наниям. Близ Сампсониевской церкви находилось основанное в 1738 г. *греческое кладбище,* время упразднения которого неизвестно. *Карповское кладбище* на Аптекарском острове, около впадения р. Карповки в Малую Невку, собирались устроить в 1738 г. Однако часовня на нем была возведена лишь в 1794 г., и позже кладбище приписали к Петропавловскому собору. В начале XX в. это место стало застраиваться жилыми домами.

Надгробие М. М. Антокольского на Еврейском кладбище

В 1799 г. около церкви Рождества Иоанна Предтечи на

Каменном острове по повелению Павла I было устроено небольшое *кладбище рыцарей Мальтийского ордена,* гроссмейстером которого он был. 18 августа 1807 г. прах погребенных здесь рыцарей тайно, ночью, перезахоронили на Смоленском кладбище. О дальнейшей судьбе этого захоронения ничего не известно[88].

* * *

Вокруг больших динамично растущих городов обычно формируется система разнообразных поселений. В XVIII в. близ столицы появилось немало усадеб и загородных имений петербургской знати. Больше всего их было вдоль Петергофской дороги и к северу: на островах, по берегам Большой Невки, в Коломягах и Шувалове. Неподалеку от города разрастались переведенские слободы, такие как Охта, Рыбацкое, Вологодская ямская и др. Стали складываться первые промышленные зоны: Пороховые, Фарфоровская, поселки при многочисленных кирпичных заводах и т. д.

В большинстве исторических пригородов Петербурга кладбища появились еще в XVIII в. Однако по мере расширения города многие из них фактически становились городскими. В истории этих небольших периферийных кладбищ, в большинстве своем погибших в 1930-е гг., немало

---

[88] *Опатович С.* Смоленское кладбище в Петербурге: Исторический очерк // Русская старина. 1873. С. 193.

белых пятен. Разумеется, по размерам и значению их нельзя сопоставить со Смоленскими или Волковскими, но и они – своеобразная и важная часть петербургского некрополя, утраченная память об отдельных исторически сложившихся местностях города и их обитателях.

В начале XVIII в. на левом берегу Невы, у Шлиссельбургского тракта возникла слобода, где жили рабочие казенных кирпичных заводов. Первая деревянная церковь появилась в слободе в 1711 г., а двадцать лет спустя ее сменил каменный Преображенский храм. При Елизавете Петровне здесь была основана Невская порцелиновая мануфактура, переименованная в 1765 г. в Императорский фарфоровый завод, изделия которого получили мировую известность. С самого основания при Преображенской церкви существовало приходское кладбище с деревянной часовней Спаса Нерукотворного. Кладбище называли *Спасо-Преображенским,* или *Фарфоровским.* Хоронили на нем не только работников завода, но и столичных жителей и окрестных помещиков. Сохранялось здесь немало памятников конца XVIII-начала XIX вв., представлявших значительную художественную и историческую ценность. Лишь немногие из них, перенесенные в музейные некрополи Александро-Невской лавры, уцелели. Остальные погибли при полном уничтожении кладбища в 1930-е гг.

Спасо-Преображенское (Фарфоровское) кладбище

Дальше по Шлиссельбургскому тракту, в пятнадцати верстах от столицы, лежало село Большое Рыбацкое. Первые жители появились здесь в 1716 г. Это были рыбаки, переведенные Петром I с Оки для поставки рыбы ко двору. Время постройки в Рыбацком первой деревянной церкви в точности не известно. В 1744 г. рыбаки возвели каменный храм Преображения Господня, освященный протоиереем Федором Дубянским, духовником императрицы Елизаветы. Рядом появилось *Рыбацкое кладбище,* на котором хоронили местных жителей. К началу XIX в., когда население Рыбац-

кого перевалило за полторы тысячи, кладбище в церковной ограде оказалось тесным и на окраине села отвели место для нового. В 1834 г. на нем появилась часовня, а в 1882 г. – деревянный храм, по которому кладбище стали называть *Казанским.* На другом берегу Невы, в Малой Рыбацкой слободе, при казенных кирпичных заводах, с середины прошлого века существовало еще одно небольшое кладбище с часовней, приписанной к Преображенской церкви Фарфорового завода.

Жилой район в восточной части города, на правом берегу Невы, и ныне по традиции называют Охтой. В XVIII в. тут находились две слободы, разделенные рекой Охтой. На ее правом берегу лежала Большая Охтинская слобода, на левом – Малая.

Надгробия П. Н. Савенко и Я. К. Кайданова на старом Большеохтинском кладбище у Троицкой церкви

Охтинские слободы возникли в 1721 г., когда по указу Петра I в окрестности столицы переселили вольных плотников, собранных преимущественно из северного края. Двумя годами позже в Большой Охтинской слободе была построена деревянная церковь во имя святого Иосифа Древодела, покровителя плотников, при которой еще через четыре года появилось кладбище. В 1731 г. взамен деревянного освятили каменный трехпридельный Троицкий храм. Так как храм этот был холодным, восточнее построили из дерева теплую

Покровскую церковь, в которой служили зимой. Таким образом, к середине XVIII в. на Большой Охте образовалось обширное *Троицкое кладбище* с двумя церквами. Располагалось оно в устье Охты, недалеко от места впадения в нее небольшой речки Чернавки (засыпана в конце XIX в.).

Во второй половине XVIII в. кладбище при Троицкой и Покровской церквах было переполнено, и в 1773 г. восточнее охтинского селения, выше по течению Чернавки, было учреждено новое, которое сразу обрело статус городского. Спустя два года на нем была построена церковь святого Георгия, а кладбище стали называть *Георгиевским* (или *Большеохтинским).* В 1803 г. рядом с ним возникло *единоверческое отделение.* Обширный комплекс захоронений на Большой Охте, расширявшийся неоднократными прирезками в прошлом и нынешнем веке, и сейчас является действующим городским кладбищем.

Время основания *Малоохтинского православного кладбища* в точности не известно. Судя по документам, деревянная церковь на кладбище Малой Охты существовала уже в 1762 г., а спустя двадцать лет вместо нее была построена каменная во имя преподобной Марии Магдалины. В середине XIX в. храм был основательно перестроен, а кладбище расширено. Малоохтинское кладбище и церковь описал в романе «Поречане» Н. Г. Помяловский, родившийся в семье дьячка этой церкви и похороненный около нее. Кладбище полностью уничтожили в 1930-е гг., только захоронения Н.

Г. Помяловского, живописца А. П. Боголюбова и поэта Е. Ф. Розена перенесли в музейные некрополи.

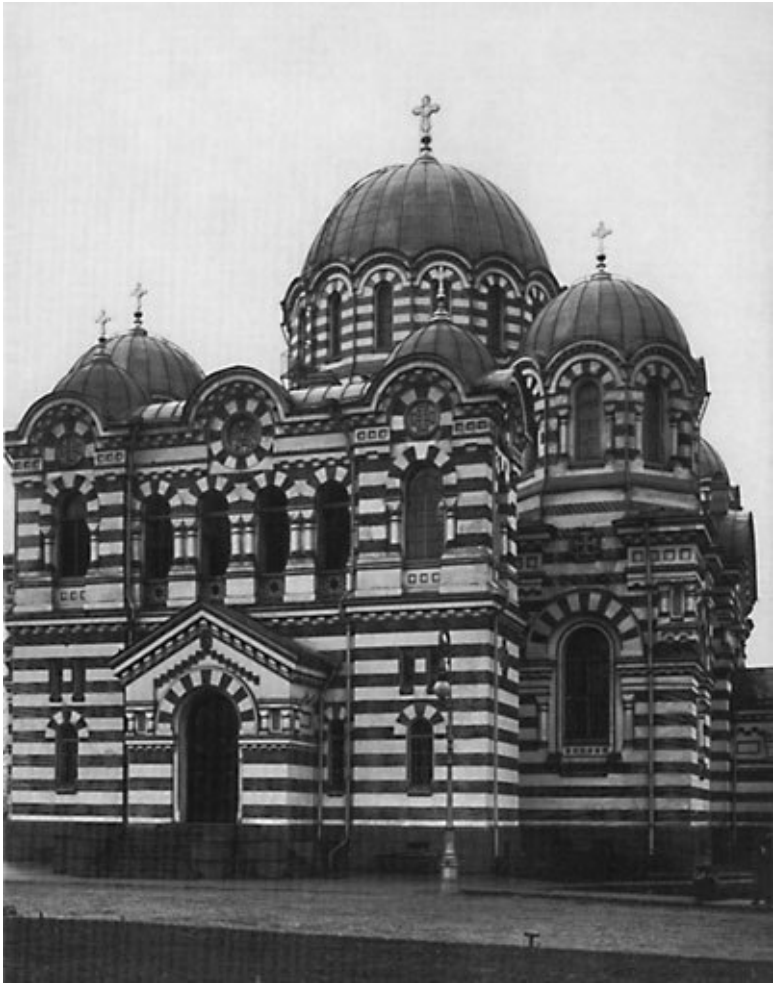
На Малой Охте сохранилось небольшое *старообрядческое кладбище.* История его восходит к середине XVIII в. Среди населявших Охту плотников, потомков олончан и архангелогородцев, было немало старообрядцев. Старейшим среди беспоповских толков старообрядчества было поморское согласие. Первые документальные упоминания поморского кладбища в Охтинской верхней слободе, как называли тогда Малую Охту, встречаются с 1760 г., но скорее всего оно существовало и ранее. До сих пор на нем сохранилось несколько каменных плит и саркофагов XVIII-начала XIX вв.

Восточнее Охтинских слобод, в междуречье рек Охты и Луппы, в 1715 г. по указу Петра I был основан Охтинский пороховой завод. *Пороховское кладбище* возникло первоначально в ограде деревянной церкви Ильи Пророка, освященной в 1722 г. Новая каменная Ильинская церковь во время переустройства завода и рабочих слобод была возведена в 1781–1785 гг. В начале XIX в. Пороховское кладбище было перенесено на то место, где оно находится и ныне.

Юго-западнее столицы, неподалеку от финских деревень Ульянка и Автова, Петр I поселил ямщиков, которые образовали Вологодскую ямскую слободу.

В этих местах селились также крестьяне-садовники, переведенные из Москвы и занимавшиеся благоустройством уса-

деб вдоль Петергофской дороги. Для них на мызе П. И. Бутурлина в 1722 г. была построена деревянная *церковь святого Петра Митрополита.* В середине XVIII в. на ее месте была возведена каменная, в ограде которой существовало небольшое приходское кладбище. На нем хоронили вологодских ямщиков, крестьян окрестных деревень и священников местной церкви.



Церковь-усыпальница Елисеевых возле Большеохтинского кладбища

В 1776 г., после того как хоронить при церкви было запрещено, в двух верстах от нее, на берегу реки Красной, устроили новое кладбище, получившее название *Красненькое.* Здесь стояла деревянная часовня Казанской Божией Матери с особо почитаемой у местных жителей иконой. В XIX в. на Красненьком хоронили главным образом обитателей Нарвской заставы – рабочей окраины Петербурга.

Неподалеку от железнодорожной платформы Лигово находится небольшое *Старо-Пановское кладбище.* На нем не

сохранилось ни одной старой могилы, хотя его история насчитывает два столетия. Во второй половине XVIII в. мыза Лигово принадлежала известному екатерининскому фавориту графу Г. Г. Орлову. После его смерти имение унаследовала его племянница Н. А. Алексеева, внебрачная дочь Екатерины II, вышедшая замуж за графа Ф. Ф. Буксгевдена, адъютанта Орлова. В конце XVIII в. Буксгевдены выстроили на небольшом крестьянском кладбище близ деревни Старо-Паново изящную круглую часовню, напоминавшую надгробный мавзолей. В 1808 г. в этой часовне похоронили хозяйку мызы. Годом позже к часовне пристроили алтарь и освятили как церковь святых Адриана и Наталии, в честь небесной покровительницы хозяйки имения. В 1811 г. рядом с женой был погребен граф Буксгевден, а позже и их дети. Церковь стала семейной усыпальницей. В 1900–1901 гг. ее расширили пристройкой паперти и двухъярусной колокольни (архитектор А. А. Зограф), и она получила свой приход – деревни Старое и Новое Паново, жителей которых хоронили на этом скромном пригородном кладбище[89]. В годы Великой Отечественной войны здесь проходил передний край обороны Ленинграда, и все старые сооружения на кладбище были уничтожены.

За Ульянкой и Лигово, на девятнадцатой версте Петергофской дороги находилась *Троице-Сергиева приморская пу-*

---

[89] *Черновский А. И.* Историческое описание бывшей гр. Буксгевдена церкви во имя св. мучеников Адриана и Натальи. Спб., 1909.

стынь. Этот монастырь был заложен на высоком берегу Финского залива в 1732 г. Основал его настоятель Троице-Сергиевой лавры под Москвой архимандрит Варлаам (Высоцкий), духовник императрицы Анны Иоанновны. В 1735 г. в пустыни освятили первую деревянную церковь, построили ограду и кельи. В 1756–1763 гг. по проекту П. А. Трезини был возведен величественный пятиглавый храм Святой Троицы и перестроены в камне монастырские корпуса. Наиболее заметным периодом в истории монастыря было время правления архимандрита Игнатия (Брянчанинова), ставшего наместником пустыни в 1834 г. Епископ Игнатий, автор знаменитых «Аскетических опытов», был в 1988 г. приобщен к лику святых Русской православной церкви.

С самого основания при пустыни существовало кладбище, ставшее к концу XVIII в. местом захоронения петербургской аристократии. Здесь покоились Ольденбургские, Горчаковы, Апраксины, Зубовы, Строгановы, Потемкины, Шереметевы, Нарышкины и др. В XIX в. кладбище считалось одним из красивейших в Европе и отличалось множеством исторических захоронений и чрезвычайно высоким художественным уровнем надгробий. Во время Великой Отечественной войны ансамбль пустыни сильно пострадал, однако монастырский некрополь был разорен еще до ее начала. Опустошение произошло в 1930-х гг.

Земли на правом берегу Большой Невки, к северу от Петербурга, в середине XVIII в. принадлежали канцлеру князю

А. П. Бестужеву-Рюмину. Для крестьян, трудившихся на постройке каменноостровской усадьбы князя, в 1764–1765 гг. была построена деревянная Благовещенская церковь, приход которой составили жители трех деревень – Новой, Старой и Коломяг. В полуверсте от церкви была отведена земля для приходского *Новодеревенского кладбища.* Внутри церковной ограды вскоре появилось кладбище для обеспеченной новодеревенской публики (военных, купцов, артистов), тогда как на приходском хоронили крестьян. Оба кладбища до наших дней не сохранились.

В северной части современного Петербурга расположено *Шуваловское кладбище,* возникшее в середине XVIII в. В 1726 г. Екатерина I пожаловала выборгскому обер-коменданту Ивану Шувалову обширные земли, расположенные по дороге на Выборг. Находившиеся здесь слободы и деревни составили Парголовскую мызу Шуваловых. В 1754 г. гр. П. И. Шувалов поставил для своих крепостных, переведенных из Средней России, деревянную церковь. Место было выбрано на вершине песчаной, поросшей соснами горы на берегу Суздальского озера. При церкви появилось приходское кладбище, один из самых живописных погостов в черте Петербурга.

Особую тему составляет судьба *лютеранских кладбищ,* существовавших в немецких колониях под Петербургом. После манифеста 1763 г. о приглашении иностранных колонистов в окрестностях столицы поселились выходцы из

Средней Германии, занимавшиеся огородничеством и молочным хозяйством. Одна из первых колоний находилась на правом берегу Невы, в тринадцати верстах от столицы и называлась Новая Саратовка. В 1766 г. колонисты выстроили деревянный храм (позднее перестроенный в камне), возле которого образовалось немецкое кладбище. Оно существует и сейчас, хотя старых могил сохранились считанные единицы. Такие же кладбища были и в других немецких колониях: Средне-Рогатской, Веселом поселке, Немецкой Гражданке. Сейчас все эти районы застроены новыми домами и не сохранили никаких следов старины.

* * *

В XIX столетии Петербург стал одним из крупнейших городов Европы и самым большим в стране. Границы его значительно расширились. Ряд бывших пригородных кладбищ попал внутрь городской черты, возникли новые некрополи.

В XIX в. завершилось формирование обширного некрополя *Александро-Невской лавры.* К уже существовавшим Благовещенской, Златоустовской (Федоровской) и Лазаревской церквам-усыпальницам и Лазаревскому кладбищу прибавились *Тихвинское* (1823) и *Никольское* (1863) кладбища, Духовская (1821) и Исидоровская (1891) церкви-усыпальницы. В лаврском некрополе за два века его существования было погребено свыше двенадцати тысяч человек. Это значи-

тельно меньше, чем на других крупных исторических кладбищах Петербурга, но надо помнить, что здесь, помимо лиц духовного звания, хоронили только самых знатных и состоятельных людей.

Волковское православное кладбище

К ведению лавры относилось *Киновиевское кладбище,* возникшее в 1848 г. при небольшом общежительном монастыре – Киновии, устроенной при загородном доме митрополита Серафима на правом берегу Невы. Киновия предназначалась в основном для престарелых и больных монахов, однако

на кладбище хоронили и жителей окрестных деревень.

Несколько петербургских кладбищ возникли в связи с эпидемией холеры на рубеже 1820-1830-х гг. Первые слухи об этой болезни, прежде в России не известной, проникли в Петербург в 1829 г. Несмотря на карантинные меры, болезнь неуклонно приближалась к столице. Для борьбы с эпидемией был создан медицинский совет, опубликовавший в 1830 г. специальные карантинные правила. Среди прочего предписывалось устройство отдельных холерных кладбищ. В начале лета 1831 г. холера обрушилась на Петербург. К августу, когда эпидемия пошла на спад, в столице, по официальным данным, умерло четыре тысячи пятьсот двадцать шесть человек.

Первое холерное кладбище в Петербурге было устроено «близ Тентелевой Удельного ведомства деревни». Сходные места захоронения возникли на Волковом поле, вблизи Смоленского кладбища, на Куликовом поле, на Малой Охте. Все они находились в ведении городской полиции, и в разгар эпидемии хоронили на них без церковного отпевания, соблюдая лишь определенные санитарные правила. По окончании эпидемии родственники похороненных на Тентелевском холерном кладбище подали ходатайство об устройстве там каменной церкви и богадельни. Разрешение было получено при условии, что кладбищенская территория будет расширена и обращена в новое городское кладбище. В 1835 г. возведенную всего за пять месяцев на средства горо-

жан деревянную церковь освятили во имя новопрославленного св. Митрофана Воронежского. *Митрофаниевское кладбище* несколько раз расширялось и стало одним из самых больших в Петербурге. В 1870-е гг. его территория занимала свыше шестидесяти тысяч квадратных сажень (более двадцати четырех гектаров).

Надгробие Н. И. Селявина на Тихвинском кладбище

С востока к Митрофаниевскому примыкало *финское кладбище,* возникшее в 1845 г. Хоронили на нем прихожан финской церкви святой Марии на Конюшенной улице. Юж-

ной границей Митрофаниевского кладбища была Старообрядческая улица, отделявшая его от *Громовского,* основанного старообрядцами-поповцами Белокриницкого согласия в 1835 г. Весь комплекс некрополей, за исключением небольшой части старообрядческого, был уничтожен в 1930-1940-е гг. вместе с находившимися здесь храмами.

Близ той же Тентелевой деревни, по другую сторону Балтийской железной дороги, находилось *лютеранское кладбище,* точную дату основания которого установить не удалось (место кладбища, между улицей Трефолева и Химическим переулком, ныне занимает промышленная застройка).

Современное *Ново-Волковское кладбище,* между улицами Салова, Бухарестской и линией железной дороги, включило в себя *татарское* и *персидское,* появившиеся в 1827 г. Поначалу они предназначались для «воинских чинов, исповедующих мусульманскую религию», но позднее там стали хоронить мусульман всех сословий.

Надгробие Комовского на Митрофаниевском кладбище

Поблизости от магометанских в эпидемию 1831 г. было основано холерное кладбище на Волковом поле. От этого некрополя, где, в частности, был похоронен известный театральный декоратор и садовод Пьетро Гонзага (1751–1831), не осталось и следа.

Стоит отметить так называемые «указанные места», где хоронили «умерших без церковного покаяния» (главным образом самоубийц). Одно такое кладбище было на том же Волковом поле, другое – на острове Голодай, к северу от армянского.

Два новых кладбища появились в середине XIX в. на Выборгской стороне. В 1841 г. на Муринской дороге был куплен участок земли и утвержден проект каменной церкви, но средств оказалось недостаточно и вместо церкви выстроили лишь кладбищенскую часовню, приписанную к Спасо-Бочаринскому храму. Вначале здесь хоронили умерших в Военно-сухопутном госпитале и Медико-хирургической академии, находившихся на Выборгской стороне. Вскоре *Богословское кладбище* превратилось в место погребения «всех без исключения воинских чинов, а также и частных лиц». Деревянная трехпрестольная церковь Иоанна Богослова, освященная епископом Ямбургским Анастасием в ноябре 1916 г., просуществовала до 1940-х гг. Погребения на Богословском кладбище не прекращаются и в наше время.

В отличие от Богословского *Выборгское римско-католи-*

ческое кладбище оказалось в 1930-е гг. полностью уничтоженным. К середине XIX в. в Петербурге проживало свыше тридцати тысяч католиков, и совет кафедрального костела святой Екатерины на Невском проспекте ходатайствовал об открытии в столице отдельного католического кладбища. В 1856 г. для него отвели место на Куликовом поле, к югу от холерного участка, где через три года освятили построенную по проекту Н. Л. Бенуа часовню. Позднее этот же архитектор перестроил ее в костел Посещения Пресвятой Девы Марии, завершенный в 1879 г. Сам зодчий, как и многие другие представители семейств Бенуа, Шарлеманей, Бруни, прославившиеся в истории русского искусства, был похоронен на этом кладбище.

Akademia
Jan Szeliga
Mierzejewski
Urodzony dnia 10 Lutego
1826 r.
Zmarł dnia 5 Marca
1908 r.

Надгробие И. П. Мержеевского на Выборгском римско-католическом кладбище

На богатом и известном *Новодевичьем кладбище* хоронили представителей известных дворянских фамилий, видных ученых, известных писателей, адмиралов. Кладбище существовало при Воскресенском Новодевичьем женском монастыре, для которого первоначально предназначался грандиозный архитектурный ансамбль по проекту Ф. Б. Растрелли. К началу XIX в. Смольный монастырь прекратил существование, но в 1845 г. для восстановленной по указу Николая I обители было отведено место у Московской заставы. Строительство монастырского комплекса по проекту Н. Е. Ефимова вели с 1849 г., тогда же возникло и кладбище. На нем всегда поддерживали образцовый порядок, памятники, выполненные лучшими русскими и европейскими мастерами, отличал высокий художественный вкус.

Воскресенский Новодевичий монастырь

Ряд кладбищ располагался вблизи Шлиссельбургского тракта. Здесь к середине прошлого века некогда тихие селения превратились в оживленную промышленную окраину, прозванную «русским Манчестером».

Коренными жителями небольшого *села Смоленского* были ямщики, переселенные в XVIII в. из Смоленской губернии. Жизнь поселка преобразилась после постройки чугунолитейного завода, за которым по имени одного из владельцев закрепилось название Семянниковского. В 1869 г. завод

был куплен и расширен Русским обществом горных и механических заводов. В следующем десятилетии архитектор М. А. Шурупов возвел у Шлиссельбургского тракта каменный храм Смоленской Божией Матери. К нему приписали небольшое сельское кладбище, землю для которого отвели в холерном 1848 г.

С селом Смоленским граничил поселок *Александровского механического завода,* переведенного вместе с рабочими от Нарвской заставы после наводнения 1824 г. Жители слободы вначале были прихожанами Фарфоровской церкви. В конце 1820-х гг. директор завода М. Е. Кларк просил разрешения построить в слободе церковь и учредить кладбище, но получил отказ. Лишь в 1842 г. было освящено небольшое кладбище «в заводском селении за домами мастеровых». Церковь Михаила Архангела соорудили по проекту Б. Ф. Лорберга в 1860-х гг. Ежегодно в шестое воскресенье после Пасхи из церкви устраивали крестный ход на местное кладбище, где перед часовней служилась вселенская панихида.

ЕФИМОВУ
1799 — 1851.

Надгробие архитектора Н. Е. Ефимова на Новодевичьм кладбище

С Фарфоровым заводом соседствовала село Александровское, принадлежавшее в конце XVIII в. генерал-прокурору Сената князю А. А. Вяземскому. Здесь в 1785–1790 гг. по проекту Н. А. Львова была построена Троицкая церковь, известная в городе под названием «Кулич и Пасха». Первое время кладбища при церкви не было, появилось оно в начале XIX в. близ соседней деревни Мурзинка, а в 1834 г. на нем возвели каменную часовню. В 1911 г. часовню расширили и освятили как церковь Успения Богородицы. Поначалу Успенское кладбище предназначалось для прихожан Троицкой церкви, но после постройки в 1863 г. П. М. Обуховым знаменитого сталелитейного завода здесь стали хоронить и рабочих.

Из пригородных кладбищ следует упомянуть небольшое место погребения при Чесменской богадельне. Путевой Чесменский дворец близ Царскосельской дороги и изящная ложноготическая церковь Рождества Иоанна Предтечи были построены в 1770-е гг. по проекту Ю. М. Фельтена. Спустя полвека дворец передали под богадельню военных инвалидов. После основательной перестройки Чесменский инвалидный дом императора Николая I в 1836 г. был торжественно освящен. Близ церкви отвели место для *Чесменского инвалидного кладбища.*

Во второй половине XIX в. перед городом остро стал вопрос о создании новых мест погребения. В 1870-е гг. число умиравших достигало в год двадцати четырех тысяч. Главные городские кладбища – Смоленское, Волковское, Митрофаниевское и Большеохтинское – оказались переполненными, а расширять их было некуда, особенно Смоленское: «места низки и при морском ветре постоянно заливаются водой». Речь шла, в первую очередь, о тех участках, где хоронили неимущих людей.

Кладбища, предназначенные для городских обывателей, имели довольно четкое разделение на разряды, в зависимости от стоимости места для погребения. Если в дорогих разрядах свободные места еще были, то в беднейших не существовало «положительно ни одного вершка незахороненного пространства»[90]. В то же время нельзя было передать платные разряды под бесплатные погребения, ибо тогда «кладбище и существующие на нем храмы дойдут до совершенного оскудения в средствах». Ведь единственным их доходом оставалась продажа могильных мест и плата за церковные требы и погребальные услуги. Серьезную проблему представляло санитарное состояние кладбищ, которые из-за сырости и тесноты превращались в «резервуары вредного для здоровья воздуха»[91].

---

[90] Подробнее о работе Комиссии и об устройстве Преображенского кладбища см.: *Беляев В.* О кладбищах в Санкт-Петербурге. Спб., 1872. С. 74–108.

[91] *Беляев В.* Указ. соч. С. 109.

Петербург не первый европейский город, который столкнулся с этой проблемой. В конце XVIII-начале XIX вв. закрыли старые городские кладбища в Париже, а захоронения перенесли в парижские катакомбы или на новые кладбища, вынесенные за пределы города. Подобную реформу решено было провести и в русской столице.

В 1854 г. учреждается Комиссия для устройства кладбищ, которая приступила к обследованию старых мест погребения, изучила состояние городских кладбищ и собрала о них исторические сведения. Первоначально имели в виду лишь расширить территорию некоторых некрополей, не устраивая новых. Через одиннадцать лет при Городской думе создали новую комиссию. Для нее по инициативе петербургского обер-полицмейстера Ф. Ф. Трепова была составлена записка о необходимости учреждения новых кладбищ. При Санитарной комиссии, состоящей при обер-полицмейстере, в 1868 г. была учреждена, по высочайшему повелению, новая комиссия по устройству кладбищ. На основании работ комиссии 20 октября 1871 г. был подписан именной царский указ «Об устройстве кладбищ в Санкт-Петербурге».

Первое загородное кладбище устроили в десяти верстах от Петербурга, по Николаевской железной дороге, близ платформы Александровская (Обухово). По проекту предполагалось разбить всю территорию площадью в тридцать тысяч квадратных сажень на шесть отделов-разрядов, разграниченных проезжими и пешеходными дорожками. Детальная пла-

нировка, однако, в натуре выполнена не была. Примечательная особенность нового кладбища заключалась в том, что оно непосредственно примыкало к железной дороге и покойных доставляли из Петербурга на специальных погребальных поездах. 6 августа 1872 г. на кладбище был заложен храм во имя Преображения Господня, и оно получило название *Преображенское.* В следующем году начались захоронения на католическом и лютеранском участках, а еще через два года – на еврейском. Неправославные отделения находились по другую сторону железной дороги.

На Преображенском кладбище хоронили жертв «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. После открытия в 1931 г. памятника на братских могилах кладбище назвали «Памяти жертв 9 января».

Великокняжеская усыпальница в Петропавловской крепости

Великокняжеская усыпальница в Петропавловской крепости. Интерьер

В 1875 г. недалеко от станции Парголово Финляндской железной дороги открылось второе загородное кладбище — *Успенское.* В следующем десятилетии на обоих загородных кладбищах открыли воинские отделения с участками для гарнизонных полков. В начале XX в. появилось католическое отделение Успенского (ныне – Северного) кладбища, где перед революцией был построен деревянный костел.

Преображенское и Успенское кладбища стали первыми и единственными в Петербурге, которые подчинялись не епархиальному начальству, а Городской думе. Город вложил в

их устройство около полумиллиона рублей и взял на себя все расходы по содержанию, включая жалование священникам. Интересно, что среди крупных государств Европы в то время лишь во Франции кладбища были изъяты из ведения церкви и переданы муниципалитетам. Предполагалось, что затраты, понесенные казной, окупятся через некоторое время за счет платных захоронений. В действительности загородные кладбища оказались убыточными. В первые десятилетия хоронили на них (особенно на Успенском) очень мало и только в бесплатных и дешевых разрядах. Главной причиной этого были резкие возражения Синода против закрытия городских кладбищ и перевода всех захоронений на загородные. Городская администрация выдвигала санитарные и экологические соображения, тогда как церковь настаивала на важности духовной традиции. Столкновение интересов на несколько десятилетий затянуло решение вопроса о закрытии старых кладбищ. В конце XIX в. научные исследования доказали безвредность кладбищ для города, и проблема утратила свою актуальность[92].

Начало XX в. не внесло существенных изменений в топографию городского некрополя. Последним кладбищем дореволюционного Петербурга стало *Серафимовское* в Новой деревне, основанное в 1906 г. На некоторых старых кладбищах (Красненьком, Волковском, Смоленском и др.) бы-

---

[92] О санитарно-гигиенических аспектах устройства кладбищ см.: *Эрисман Ф. Ф.* Кладбища // Энцикл. словарь Брокгауз-Ефрон. Т. 15. С. 278–282.

ли возведены новые храмы. В 1908 г. произошло освящение сооруженной рядом с Петропавловским собором *великокняжеской усыпальницы.*

Представление о петербургском некрополе будет неполным, если не упомянуть о захоронениях вне кладбищенских территорий. Еще в петровские времена в запрете хоронить при городских церквах была сделана оговорка: «кроме знатных особ». Каждое такое захоронение требовало особого разрешения. В XVIII в. исключения делались для богатых прихожан, жертвовавших большие суммы на ремонт и строительство храма, или для священников, долго служивших в данной церкви. В XIX в. возникла традиция погребения в городских храмах выдающихся общественных деятелей.

Гробница М. И. Кутузова в Казанском соборе известна каждому петербуржцу. Однако во многих полковых церквах Петербурга (почти все погибли в 1930-е гг.) существовали офицерские захоронения. С 1847 г. по специальному указу в полковых храмах устанавливали мемориальные доски с именами погибших и умерших от ран офицеров полка.

Храм Христа Спасителя («Спас на водах»)

Памятником русским морякам, погибшим в войне 1904–1905 гг., стал храм Христа Спасителя («Спас на водах»), воздвигнутый в 1911 г. на набережной Невы по проекту архитектора М. М. Перетятковича. Храм как бы объединил в себе походные судовые церкви погибших кораблей и стал «символом братской могилы для погибших без погребения героев-моряков»[93]. На его стенах укрепили памятные доски с именами всех, кто погиб в морских сражениях Русско-японской войны. Стройный и легкий силуэт храма напоминал Дмитриевский собор во Владимире и жемчужину древнерусского зодчества – церковь Покрова на Нерли, поставленную «на лугу» святым князем Андреем Боголюбским в память о любимом сыне Изяславе. «Спас на водах», символизировавший нерушимость духовной традиции почитания мертвых, был разрушен в те же годы, когда происходило уничтожение исторического некрополя Петербурга.

* * *

Кладбища в России в XVIII–XIX вв., как и в других европейских государствах, находились в ведении духовного начальства и носили строго конфессиональный характер. Каж-

---

[93] *Смирнов С. Н.* Храм-памятник морякам, погибшим в войну с Японией. Пг., 1915.

дая вероисповедная община имела свое кладбище. Закон запрещал духовенству использовать кладбищенскую землю для иных целей, кроме погребения умерших и возведения храмов и часовен.

Для устройства столичного кладбища обычно, по представлении Синода, требовалось Высочайшее утверждение. Вот почему ряд таких распоряжений вошел в состав Законов Российской Империи. В Полном собрании Законов имеются и некоторые правила, общие для всех кладбищ. Так, в 1772 г. Сенат указал, чтобы «кладбища учреждались в удобных местах расстоянием от последнего городского жилья по крайней мере не ближе 100 сажень, а если место дозволяет, то хотя бы и за 300 сажень». Тем же указом рекомендовалось обносить кладбищенские места плетнем или земляным валом – не выше двух аршин, «дабы чрез то такие места воздухом скорее очищались», а также рыть вокруг кладбищ рвы «для удержания скотины, чтоб оная не могла заходить на кладбище»[94].

Комиссия о строении Санкт-Петербурга, которой был направлен синодский указ 1738 г. об отводе кладбищенских мест, определила порядок планировочных работ: «…для возвышения указанных мест поделать вокруг и поперек каналы, в пристойных местах устроить пруды, вынутой землей засыпать низкие места, огородить кладбища деревянным забором, построить при них деревянные покои для житья ка-

[94] ПСЗ. Собр. 1. Т. 19. 1772. № 13803. С. 500; № 13910. С. 658.

раульных и могильщиков»[95].

Некоторые правила по устройству кладбищ вошли в «Устав врачебный» (или Устав медицинской полиции), который помещен в Своде законов. 701-я статья устава гласила: «Никаких построек на опустевших кладбищах возводить не дозволяется»[96]. Это положение определялось еще указом по межеванию земель 1682 г.: «У которых помещиков и вотчинников на дачах объявятся (пустые) кладбища… велеть… те кладбища огородить и строения на них никакова строить не велеть»[97].

При устройстве новых кладбищ запрещалось переносить со старых какие-либо захоронения и «обращать прежние кладбища под пашню… или другим каким бы то ни было образом истреблять оставшиеся на оных могилы и повреждать надгробные памятники». Традиция оставлять места погребения неприкосновенными существовала задолго до того, как в начале XIX в. Александр I утверждал, что «по общему предуверению прикасаться к праху мертвых погребенных вменяется за преступление»[98].

По словам историка Н. И. Костомарова, «издавна могилы родителей и предков были святыней русского народа, и кня-

---

[95] Историко-статистические сведения… Вып. 2. С. 195.

[96] О православных приходских кладбищах: Собр. существующих узаконений и распоряжений Правительства касательно православ. церковно-приход. кладбищ. Житомир, 1899. С. 18–20.

[97] ПСЗ. Собр. 1. Т. 2. 1682. № 911. С. 382; 1684. № 1074. С. 592.

[98] Там же. Т. 26. 1801. № 2090. С. 871.

зья наши, заключая договор между собой, считали лучшим знамением его крепости, если он будет произнесен на отцовском гробе». Когда великий князь Иван III, пишет Костомаров, перестраивал Московский Кремль, при переносе храмов и монастырей хотели перезахоронить и останки прежде там погребенных. Архиепископ Геннадий возражал правителю: «А ведь того для, что будет воскресение мертвых, не велено их ни с места двинути, опричь тех великих святых»[99].

При упразднении некоторых петербургских кладбищ, основанных в XVIII в., их было велено засыпать землей, выравнивать место, но ни о каких переносах могил не было речи. По прошествии нескольких (иногда и десятков) лет на месте забытых кладбищ иногда велась обывательская застройка. С расширением границ города, увеличением числа жителей это было неизбежным. От таких кладбищ, как Аптекарское, Карповское, Колтовское, Вознесенское, уже в XIX в. не осталось и следа. Однако иные старинные некрополи, давно числившиеся упраздненными, сохранялись в городе своеобразными оазисами. Отдельные памятники и надгробные плиты можно было встретить вплоть до начала XX столетия на месте Сампсониевского, Ямского, Благовещенского кладбищ. Окончательная гибель наступила лишь в 1930-е гг., когда были уничтожены многие храмы, при которых существовали первые петербургские некрополи.

---

[99] *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // Современник. 1860. Т. 1. XXXIII. С. 527.

Кладбищенское законодательство XIX в. предусматривало суровое наказание за осквернение могил, воровство и мародерство. По «Уложению о наказаниях» 1845 г. разрытие могилы каралось десятью—двенадцатью годами каторжных работ, истребление или повреждение надгробных памятников – заключением в тюрьму на срок от четырех до восьми лет, кража на кладбище – годом тюрьмы или ссылкой в Сибирь[100].

Но, к сожалению, несмотря на строгие охранительные меры, преступный промысел существовал. В. О. Михневич в книге «Язвы Петербурга» рассказывал, что существуют «специалисты по обкрадыванию кладбищ. Вор проникает на кладбище и снимает с наиболее богатых памятников металлические кресты, доски и разные украшения. Один из таких воров сознался на суде, что ему удавалось за один поход отвинчивать по 30-ти медных надгробных досок»[101].

В 1841 г. были введены семь кладбищенских разрядов (после перераспределения 1871 г. их стало пять). Они отличались стоимостью места для погребения в зависимости от благоустройства и степени ухода за могилами. Собственно, введение разрядов лишь узаконило ранее существовавшую практику. Места внутри кладбищенской церкви и около нее в I и II разрядах были самыми дорогими. Различались по це-

---

[100] ПСЗ. Собр. 2. Т. 20. 1845. № 19283. С. 643.

[101] *Михневич В. О.* Язвы Петербурга: Опыт ист. – стат. исслед. нравственности столич. населения. Спб., 1886. С. 260.

не места близ проходных дорожек и в стороне от них, у входа на кладбище и на дальних участках. Последний разряд был бесплатным. В лавре, Новодевичьем монастыре и Сергиевой пустыни бесплатные разряды отсутствовали. Место в I разряде лаврского кладбища в 1840-е гг. стоило пятьсот рублей, а богатые похороны обходились примерно в тысячу триста рублей серебром (средний годовой доход хорошо оплачиваемого столичного чиновника)[102].

Администрация внимательно следила за соблюдением порядка, соответствующего значению места. «Правила по устройству московских кладбищ», изданные в 1913 г., запрещали «ездить по кладбищу на велосипедах, ходить с собаками, петь песни, устраивать игры, а также производить другие неблагопристойности и нарушение благоговейной тишины»[103].

Забота о памятниках всегда была обязанностью родственников, которые вносили соответствующую плату в кассу кладбища. Можно было заказать ремонт памятника, высадку цветов, уборку могилы и даже «вечную очистку могилы» или «вечное тепление лампады». Если родственники переставали следить за могилой, памятник, по прошествии опре-

---

[102] Положение о предметах, требующихся при погребении усопших, и о вкладах и приношениях за оные, по кладбищам Александро-Невской лавры. Спб., 1840; Положение о взносах в пользу церквей и причтов при погребениях и поминовениях усопших и при устройстве могил на столичных кладбищах. Спб., 1907.

[103] Правила по устройству Московских православных кладбищ и содержанию их постоянно в должном порядке. М., 1913.

деленного времени, сносили. Срок устройства новой могилы на непосещаемом участке в России был установлен в тридцать лет после предыдущего погребения.

Старые надгробия, без ремонта и починки, разрушались естественным образом, но бывали и случаи утилизации старых каменных плит. Так, в протоколах Комиссии по устройству кладбищ в 1870 г. отмечалось: «На Волковском кладбище ход между могилами устлан мостками не только из досок, но из надгробных плит, взятых с могил, на которых уцелели даже надписи, хотя, как видно, тщательно затертые»[104].

Первые попытки охраны надгробных памятников, представляющих историческую и художественную ценность, относятся к середине XIX в. В 1859 г. Комиссия по устройству кладбищ запрашивала причты кладбищенских церквей: «…буде имеются памятники прошлого столетия, то сколько именно таковых и поддерживаются ли они ремонтом»[105].

В мае 1891 г. на Литераторских мостках хоронили редактора газеты «Биржевые ведомости» П. С. Макарова. Присутствовавшие обратили внимание на плохое состояние могил: «памятники заросли, или зарыты, надписи стерты»[106]. На поминках было решено учредить специальное общество, «на обязанности которого лежало бы охранение на петербургских кладбищах от разрушения памятников на могилах уче-

---

[104] *Беляев В.* Указ. соч. С. 63.

[105] ЦГИА Спб… Ф. 800. Оп. 2. Д. 11. Л. 5.

[106] Петерб. листок. 1891. 27 мая.

ных и литераторов и содержание их в порядке»[107]. Был даже опубликован проект устава, но дальше дело не двинулось. Иногда пресса сообщала о частных инициативах в этой области. Например, в 1896 г. «на средства В. Н. Викуловой были приведены в порядок могилы Л. А. Мея и А. А. Григорьева на Митрофаниевском кладбище»[108].

В 1910 г. Городская дума решила образовать особый капитал «для охранения могил известных деятелей на литературном и ученом поприщах» и поручила Комиссии по народному образованию составить их список. С 1911 г. выделяли пятьдесят рублей ежегодно на охрану могилы М. В. Ломоносова. Это были первые в Петербурге мероприятия по охране надгробных памятников[109].

Повышению внимания к старинным некрополям как историческим и художественным заповедникам способствовали работы Н. Н. Врангеля по петербургским и Ю. П. Шамурина по московским кладбищам, так же как и издание саитовских «некрополей»[110]. Академия художеств в 1912 г. изготовила гипсовые модели с художественных памятников

---

[107] Об охране могил ученых и литераторов. Спб., 1892.

[108] Новое время. 1896. 12 окт.

[109] ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 10234. Л. 228 об.

[110] *Врангель Н.Н.* Забытые могилы // Старые годы. 1907. Февр. С. 35–51; *Саитов В.И.* Петербургский некрополь […] по надгробным надписям […]. М., 1883; Николай Михайлович, вел. кн. [Саитов В. И.] Петербургский некрополь. Т. 1–4. Спб., 1912–1913; *Шамурин Ю.* Московские кладбища // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 8. М., 1911.

Александро-Невской лавры работы И. П. Мартоса, М. И. Козловского и др. Фотограф Н. Г. Матвеев по заказу Академии в 1906–1910 гг. сфотографировал около ста пятидесяти надгробий на лаврских, Смоленских, Волковских кладбищах, в Новодевичьем монастыре и Сергиевой пустыни[111].

* * *

Говоря о законах и правилах, регламентировавших кладбищенскую жизнь, следует иметь в виду, что они определяли только внешнюю – хозяйственную, экономическую, санитарно-гигиеническую сторону дела. Гораздо важнее другое. Мощным воспитателем почтительного отношения к месту последнего упокоения была многовековая традиция церковного погребения. Она устанавливала и освящала все стороны погребального ритуала, придавала духовный смысл всему кругу обрядов и традиций, связанных с тайной смерти, приучала видеть в кладбищах места особого порядка.

Определение Синода от 6 февраля 1897 г. указывало: «… попечение о содержании кладбищ в благолепном виде является естественным выражением того, не только уместного, но даже обязательного в христианах чувства уважения к праху предков и вообще близких, в вере скончавшихся, ко-

---

[111] О снятии фотографий и гипсовых слепков с художественных памятников над могилами исторических лиц на кладбищах // РГИА. Ф. 789. Оп. 13, 1905. Д. 190.

торое, проистекая из обуславливаемого родственною и христианскою взаимною любовию долга почтительного отношения к их памяти, вместе с тем основывается на вере нашей в непреложную истину бессмертия и будущего всеобщего воскрешения и в общение живых с прежде умершими»[112].

Уместно напомнить основные правила погребения и поминовения по православному христианскому обряду, неуклонно соблюдавшиеся в дореволюционном Петербурге. Над умирающим, которого следует исповедовать и причастить, читают отходную – «молитву на разлучение души от тела». Омывают мертвое тело под чтение псалмов и облачают в новую одежду. На тело кладут покров – саван, в напоминание о пеленах Иисуса Христа во гробе. В руки покойного вкладывают образ Спасителя, на голову помещают венчик с изображением Иисуса, Богоматери и Иоанна Предтечи – в знак надежды на посмертное воздаяние по милосердию Бога. Над гробом читается Псалтирь. Панихида обычно совершалась в доме покойного, после чего тело переносили в храм для отпевания. Священник шел впереди, перед гробом несли крест, все провожающие держали в руках зажженные свечи – символ радости о возвращении усопшего к Вечному Свету. В храме гроб ставят головой ко входу, чтобы лицо покойного было обращено к алтарю – «в знак того, что умерший идет от заката жизни к востоку вечности»[113].

---

[112] О православных приходских кладбищах… С. 24.

[113] *Тихомиров Е.* Загробная жизнь, или Последняя участь человека. Спб., 1888.

Отпевание происходит после обедни. Под чтение псалмов и стихир присутствующие прощаются с покойным последним целованием. Затем священник читает разрешительную молитву, текст которой вкладывает в правую руку покойного. После этого гроб закрывают крышкой и больше не открывают.

По окончании отпевания погребальная процессия направляется на кладбище. Гроб с молитвой опускают в могилу, священник крестовидно сыплет на крышку землю, льет елей, ссыпает пепел от кадила. На могиле ставится крест – «символ спасения христианина, умершего с верою и покаянием».

Церковь учит, что «для христианина смерть – первый день жизни, или день рождения, а гробница – место временного упокоения его земного праха до дня всеобщего воскрешения и суда».

Для поминовения издавна установлены третий, девятый и сороковой дни по кончине христианина. По учению церкви, молитва за упокой души помогает умершему в его посмертной судьбе. Толкование дней поминовения дал один из первых христианских отшельников святой Макарий Египетский. Первые три дня душа пребывает рядом с телом, «как птица ищет себе гнезда», и лишь на третий день, благодаря молитвам, получает облегчение в скорби: ангел Божий

С. 257–372. См. также: *Митрофан, мон.* Как живут наши умершие. Т. 1–3. Спб., 1880; *Соболев А.Н.* Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913; *Долоцкий В.И.* Об обрядах, совершаемых при погребении православных христиан // Христианское чтение. 1845. Т. 3. С. 363–440.

возносит душу для поклонения Господу. Шесть следующих дней душа видит небесные обители и великолепие рая, а на девятый – вновь возносится к Богу. Далее тридцать дней душа созерцает адские муки – мытарства, и на сороковой день получает окончательное определение Божиего суда. Годовщина смерти отмечается как день рождения христианина к новой жизни.

Для общего поминовения мертвых в Русской православной церкви установлены *Родительские субботы* (родителями для христиан являются все умершие вообще, и они молятся «о упокоении душ рабов Божиих праотец, отец и братии зде лежащих и повсюду православных христиан»). Дни поминовения связаны с годовым Пасхальным циклом.

Пасхе – дню Воскресения Христова – предшествуют семь недель Великого поста. Последняя неделя перед постом – традиционная русская Масленица – по церковному календарю называется сырной седмицей. Суббота перед сырной седмицей – это Вселенская Родительская суббота. В этот день «память совершают всех от века усопших православных христиан». Поминовение мертвых совершают также во вторую, третью и четвертую субботы Великого поста. Пятая Родительская суббота – Троицкая, накануне пятидесятого дня от Пасхи – дня Святой Троицы.

Кроме того, в Русской Православной Церкви поминовение усопших совершается в Радоницу: это вторник Фоминой недели, следующей за Пасхальной Светлой седмицей.

По словам святого Иоанна Златоуста, в этот день «Господь Иисус Христос сошел к мертвым, потому здесь и собираемся мы».

Павших воинов православные поминают в Димитриевскую Родительскую субботу, ближайшую к дню памяти святого Димитрия Солунского 26 октября (8 ноября). Это поминовение установлено в XVI в. в память Куликовской битвы 1380 г. В 1769 г. установили поминовение «православных воинов, за веру и отечество на брани убиенных» 29 августа (11 сентября), в день Усекновения главы Иоанна Предтечи. Примечательно, что живая православная традиция не иссякает и в наши дни. 8 сентября 1989 г. Ленинградская епархия установила День церковного поминовения жертв блокады города в период Великой Отечественной войны.

Надо иметь в виду, что каждое ежедневное богослужение включает в себя поминовение усопших, для чего в храме подаются записки о молитве за упокой души и ведется запись в специальные поминальные книги – синодики. Ежедневная молитва в течение сорока дней по кончине называется сорокоустом.

Выдающийся русский мыслитель XIX в. Н. Ф. Федоров вообще видел в церковном поминовении мертвых главный смысл христианской жизни. Он писал: «Кладбищенская церковь из последней должна сделаться первой, стать соборной для приходских церквей каждой части города, каждой местности, ибо и литургия, и пасха, как это сказано, имеют

смысл лишь на кладбищах. И такое положение кладбищенских церквей будет началом восстановления религии; если же при городских церквах не может быть кладбищ, то это значит, что нужно отказаться или от религии, или от городов»[114].

* * *

В истории Петербурга похоронные обряды были важными событиями городской и общественной жизни.

13 октября 1723 г. в Петербурге скончалась царица Прасковья Федоровна, вдова царя Иоанна Алексеевича, брата Петра I. Петр находился в это время на строительстве Ладожского канала, и распоряжения по организации похорон были получены лишь по его возвращении через три дня. Основатель города придавал особое значение разработке «печального церемониала», принимал личное участие во многих погребальных церемониях, шествуя за гробом своих сподвижников в Северной войне Б. П. Шереметева и А. А. Вейде, лейб-медика Р. Арескина и многих других. Известно, что погребение любимой сестры Петра царевны Натальи Алексеевны было отложено на год, чтобы царь, отсутствовавший в Петербурге, мог вернуться для прощания.

Катафалк царицы Прасковьи был сооружен по проекту ге-

---

[114] *Федоров Н. Ф.* Сочинения. М., 1982. С. 107.

рольдмейстера графа Ф. де Санти. Фиолетовый бархат катафалка и гроба под балдахином эффектно сочетался с белизной покрова. По сторонам постамента размещались царская корона на красной бархатной подушке и государственное знамя. В зале, где прощались с покойной, было установлено двенадцать больших свечей, охраняли тело двенадцать капитанов в черных кафтанах, длинных мантиях, с вызолоченными алебардами. Псалтирь читали двое священников. Прощание происходило чинно, без завываний и причитаний (Петр запретил эту традицию в 1716 г., при погребении царицы Марфы, вдовы царя Федора Алексеевича).

В три часа пополудни 22 октября в дом покойной, где уже находилась вся петербургская знать, оповещенная накануне А. И. Румянцевым – погребальным маршалом, приехали члены царской фамилии. В передней собравшихся обнесли глинтвейном, после чего все проследовали в залу, отслужили панихиду. Погребальную процессию открывал гвардии поручик с восемнадцатью унтер-офицерами, державшими на плечах тесаки с траурным флером. Далее маршал Румянцев возглавлял шествие гражданских и военных чиновников, выстроенных по старшинству, по трое и четверо в ряд. Потом по регламенту следовали иностранные министры, находившиеся в Петербурге герцог Голштинский, принц Гессен Гомбургский, сенаторы П. И. Ягужинский и Б. Х. Миних. За ними шел хор императорских певчих, духовенство с зажженными свечами. В катафалк, перед которым несли цар-

скую корону, была впряжена шестерка лошадей. Перед ним шли двенадцать полковников, шесть майоров несли балдахин, а за катафалком – двенадцать капитанов с алебардами и двенадцать поручиков со свечами. Третью часть процессии открывал еще один погребальный маршал с жезлом. Затем шел император, сопровождаемый Ф. М. Апраксиным и А. Д. Меншиковым. Далее в сопровождении офицеров и сановников – дочери покойной, Екатерина и Прасковья, и императрица со свитой. По сторонам процессии маршировали до полутораста солдат с зажженными факелами. Движение до Александро-Невского монастыря продолжалось больше двух часов. Гроб внесли в только что отстроенную Благовещенскую церковь и после отпевания и проповеди погребли у алтаря. Поминки в доме царицы Прасковьи продолжались до одиннадцати часов ночи[115].

Столица Российского государства в течение двух веков видела множество подобных церемоний. Для погребения лиц императорской фамилии были разработаны специальные регламенты, для организации и оформления похоронного обряда создавались «печальные комиссии».

«Печальный церемониал» погребения представителей знатных дворянских фамилий был разработан не менее подробно. Сохранилось описание похорон в 1803 г. графини П. И. Шереметевой – знаменитой крепостной актрисы Параши

---

[115] *Семевский М. И.* Царица Прасковья: Очерк из рус. истории XVIII в. М., 1989. С. 173–175.

Жемчуговой, ставшей женой графа Н. П. Шереметева. «Спустя два часа после кончины тело приличным образом одетое положено на стол, покрытый белыми простынями, а после обитый белым миткалем с фалборою; в головах тела поставлен налой, обитый черной фланелью и покрытый атласной пеленою с образами… Перед ним подсвечник с зажженными свечами, одетый черным крепом с белыми лентами. Вокруг тела поставлено 4 таковых же, трауром покрытых подсвечников… На другой день тело положено во гроб, сделанный из дубового дерева и обитый снаружи пунцовым бархатом, выложенным как должно серебряным гасом и внизу по борту серебряною бахромою, а внутри белым атласом… скобы у гроба посеребреные чрез огонь, а на крышке в головах на посеребреной доске изображен золоченый фамильный герб… гроб покрыт глазетовым покровом, обложенным во круг в два ряда серебряным позументом, с серебряным же шнуром, и по углам четырьмя серебряными пышными кистьми».

Три дня утром и вечером в доме служили панихиды. 26 февраля 1803 г. днем происходило прощание, а в семь часов вечера прибыл митрополит Амвросий со своей свитой, и после литии (заупокойной молитвы) гроб вынесли из Фонтанного дома Шереметевых. «За воротами приготовлена была печальная колесница с балдахином, на которую поставили гроб, покрыли сказанным выше золотым глазетовым покровом, и началось шествие…» Открывали его «офицер полицейский верхом и два полицейские офицера пешие». Затем

следовали церковные служители, певчие, «двенадцать священников по два в ряд», митрополичий хор, духовные лица с образами, архимандриты, два архиепископа и сам митрополит, предшествовавший траурной колеснице, запряженной шестью лошадьми. Правилами было оговорено траурное одеяние кучера, конюхов и официантов, так же как и число лиц, поддерживавших гроб и державших древки и шнуры балдахина. «По обеим сторонам колесницы, начиная от головы гроба, до самого начала кортежа шли в черных епанчах, распущенных шляпах с флером 24 человека с зажженными факелами по 12 на стороне… По сторонам всего кортежа оберегали полицейские офицеры от стеснения народа, которого, как пеших, так и в экипажах, было многолюднейшее стечение». Среди домочадцев и прислуги, следовавших за гробом Прасковьи Ивановны, был и архитектор Джакомо Кваренги. В Троицком соборе Александро-Невской лавры гроб установили на катафалк. Отпевание и погребение в Лазаревской церкви произошло на следующий день[116].

За три года до П. И. Шереметевой в лавре хоронили А. В. Суворова. Великий русский полководец умер 6 мая 1800 г. в доме своего зятя князя Д. И. Хвостова на Крюковом канале, близ Никольского морского собора. Известный писатель и историк Е. А. Болховитинов (впоследствии митрополит Евгений) оставил описание похорон, происшедших 12 мая.

---

[116] РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 70.

«Князь лежал в маршальском мундире, в Андреевской ленте. Около гроба стояли табуреты числом восемнадцать, на них разложены были кавалерии, бриллиантовый бант, пожалованный Екатериной II за взятие Рымника, бриллиантовая шпага, фельдмаршальский жезл и прочее. Лицо покойного было спокойно и без морщин. Борода отросла на полдюйма и вся белая. В физиономии что-то благоговейное и спокойное… Улицы, все окна в домах, балконы и кровли преисполнены были народу. День был прекрасный. Народ отовсюду бежал за нами. Наконец мы дошли и ввели церемонию в верхнюю монастырскую церковь… В церковь пускали только больших, а народу и в монастырь не допускали. Проповеди не было. Но зато лучше всякого панегирика пропели придворные певчие 90-й псалом «Живый в помощи», концерт сочинения Бортнянского. Войска расположены были за монастырем. Отпето погребение, и тут-то раз десять едва я мог удержать слезы. При последнем целовании никто не подходил без слез ко гробу. Тут явился и Державин. Его предуниженный поклон гробу тронул до основания мое сердце. Он закрыл лицо платком и отошел, и, верно, из сих слез выльется бессмертная ода»[117].

Болховитинов оказался прав. Державин написал стихотворение «Снигирь»:

Что ты заводишь песню военну

---

[117] *Суворов А.В.* Письма. М., 1986. С. 478.

Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат…

О возникновении этих стихов сам поэт писал: «У автора в клетке был снигирь, выученный петь одно колено военного марша; когда автор по преставлении сего героя возвратился домой, то услыша, что сия птичка поет военную песнь, написал сию оду в память столь славного мужа». Этот волнующий образ отозвался в XX столетии в стихах на смерть другого великого русского полководца:

Маршал! Поглотит алчная Лета
Эти слова и твои прахоря.
Все же прими их – жалкая лепта
Родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и военная флейта,
Громко свисти на манер снегиря.

И. Бродский. «На смерть Жукова»

Нелишне напомнить, что кончина А. В. Суворова, вернувшегося из победоносного Итальянского похода, была омрачена неожиданной немилостью императора Павла I. Вместо ожидаемой триумфальной встречи полководцу было запре-

щено являться ко двору. Опала ускорила смерть семидесятилетнего военачальника. Многие придворные, опасавшиеся навещать генералиссимуса во время болезни, не приняли участие и в похоронной церемонии, которая к тому же не соответствовала воинскому званию Суворова. В отличие от прадеда, сопровождавшего в траурном шествии своих полководцев, Павел I выехал лишь на Невский, когда провозили гроб с телом Суворова. Тем более знаменательно, что Суворова в последний путь провожал простой народ, заполнивший улицы столицы[118].

В памяти жителей Петербурга остались поразившие своей экзотичностью похороны молдавского князя Георгия Гики, проходившие в Александро-Невском монастыре 5 марта 1785 г. Старинное описание рассказывает: «Впереди шествия ехали трубачи, затем шло до сотни факельщиков, за ними несли богатый порожний гроб, за последним шли слуги, держа в руках серебряные большие блюда с разварным сарачинским пшеном и изюмом, на другом блюде лежали сушеные плоды, а на третьем – большой позолоченый каравай; затем следовали в богатых молдавских костюмах бояре с длинными золочеными свечами в руках, после них шло с пением духовенство, с греческим архиепископом во главе. Затем уже несли тело умершего князя, сидящее в собольей шубе и шапке на креслах, обитых золотою парчею. Тело было отпето сперва на паперти, потом внесено в церковь и там

---

[118] *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М., 1986. С. 189–192.

снята с него шуба, одет саван и затем умерший был положен в гроб»[119].

18 июля 1820 г. на Смоленском лютеранском кладбище хоронили скромного инспектора и преподавателя математики и физики во 2-м Кадетском корпусе Ивана Васильевича Бебера (1746–1820). Лишь посвященные знали истинное значение этого человека, принадлежавшего к высшим степеням российского масонства. И. В. Бебер был управляющим Великой Директориальной Ложи Владимира к Порядку – главной национальной ложи России. Предание гласит, что Беберу удалось привлечь в масонскую ложу Александра I, который, действительно, около десятка лет, до внезапного официального упразднения всех лож в 1822 г., оказывал явное покровительство масонам. «Высокопреосвященнейший префект Капитула Феникса», Бебер незадолго до кончины отошел от активной деятельности, но на похороны его собрались все петербургские масоны, «кто по летнему времени в столице или по близости пребывание имел».

Прощание с телом происходило в лютеранской церкви Св. Екатерины на Васильевском острове. Церемония началась в 6 часов вечера. Посреди храма, убранного зеленью, возвышался на катафалке гроб, на котором были положены меч и шляпа. Два масона в траурных шарфах стояли по сторонам гроба. После надгробного слова, произнесенного пас-

---

[119] *Пыляев М. И.* Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. Спб., 1889. С. 36–37.

тором Цахертом, прозвучала написанная капельмейстером Затценгофером траурная кантата. «Печально величественная кантата тронула сердца, и в церкви воцарилось горестное молчание. Вместе с офицерами 2-го корпуса масоны взялись за скобы гроба, когда подан был знак к выносу, и они же окружили гроб и шли следом, наблюдая, чтобы члены Великих лож были впереди и все вместе. Далее следовала семья покойного и большой отряд воспитанников корпуса. Многие братья несли перед гробом похоронные жезлы, другие – подушки с орденами, все же прочие – цветы и ветви лиственные». По сторонам траурного кортежа масоны младших степеней несли зажженные факелы. Необычное шествие, следовавшее по тихим улицам Васильевского острова в воскресный летний вечер, привлекло множество народа. Огромная толпа подошла к воротам лютеранского кладбища около 9 часов. «Масоны окружили могилу; масон пастор Август Ган произнес, благословляя, последние слова любви и мира, громкий гимн огласил тишину кладбища, пели хором все масоны», – так заканчивает описание этих удивительных похорон историк русского масонства Тира Соколовская[120].

В отличие от похорон высших государственных и военных деятелей, «статских чинов» хоронили более скромно, хотя элементы обряда (колесница, факельщики, хор певчих и ду-

---

[120] *Соколовская Т.* Капитул Феникса: Высшее тайное масонское о-во в России // Вестн. Имп. О-ва ревнителей истории. Вып. 2. Пг., 1915. С. 294–295.

ховенство перед гробом) сохранялись многие десятилетия. Во второй половине XIX в. похоронную процессию стали сопровождать духовые оркестры – вначале на военных похоронах. Первым «статским», которого хоронили с духовым оркестром, был П. И. Чайковский. Венки из цветов с вензелями и лентами стали возлагать к гробу и выносить в ходе процессии лишь во второй половине столетия.

Тридцатилетие царствования Николая I, «заморозившее» Россию, отразилось и в отношении к похоронам, которые строго соответствовали установленному этикету. Лишь в 1860-е гг. похороны приобретают характер общественной демонстрации, выражения современниками признательности и уважения к заслугам выдающихся писателей, артистов, музыкантов.

Петербургский старожил, известный юрист А. Ф. Кони вспоминал, что в истории столицы было «несколько похорон, не официозного, так сказать, предустановленного характера, а таких, в которых выразилось общественное сочувствие к почившему». Первыми в этом ряду он назвал похороны артиста А. Е. Мартынова.

Вершиной творчества Мартынова стало исполнение роли Тихона в первой постановке «Грозы» А. Н. Островского на сцене Александрийского театра. О признании заслуг артиста, выступавшего на александринской сцене четверть века, свидетельствовал обед, данный ему писателями; до него подобной чести был удостоен лишь великий М. С. Щепкин.

Через восемь месяцев после знаменательной премьеры, 16 августа 1860 г. А. Е. Мартынов скончался в Харькове (на пути из Ялты в Петербург).

Поздно вечером 12 сентября останки артиста привезли в столицу. Площадь перед Николаевским вокзалом была заполнена множеством людей. Гроб перенесли на руках через площадь в Знаменскую церковь. На следующий день, после отпевания, началось траурное шествие по Невскому проспекту к Васильевскому острову, на Смоленское кладбище. Гроб был поставлен на катафалк, но лошадей тотчас выпрягли; чести везти траурную колесницу добивались многочисленные петербуржцы: купцы, мастеровые, чиновники, офицеры, студенты. Впереди траурной процессии несли венки. Кто-то, указывая на них, сказал: «Вот ордена Мартынова». А. Я. Панаева вспоминала, что «на протяжении всего Невского проспекта… движение экипажей было приостановлено, сама публика позаботилась не пропускать экипажей с боковых улиц, чтобы не давили народ. Полиция застигнута была врасплох, да она и не была нужна, потому что порядок везде был удивительный, с таким тактом и приличием держала себя публика». Панаева же вспоминала о некоем «значительном лице», негодовавшем: «Скажите, пожалуйста, – везут гроб актера и нет проезда по Невскому!.. Такого беспорядка не должна была допустить полиция»[121]. На Смоленском кладбище публике раздавали специально выпущенную

---

[121] *Панаева А.Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 52.

брошюру со стихами, посвященными «горю русского театра – потере Александра Евстафьевича Мартынова»[122].

Изменение общественной ситуации, отразившееся в отношении к похоронам, сознавалось современниками. Когда в мае 1848 г. умер В. Г. Белинский, «немногие петербургские друзья провожали тело его до Волковского кладбища. К ним присоединились три или четыре *неизвестных,* вдруг бог знает откуда взявшихся. Они оставались до самого конца печальной церемонии на кладбище и следили за всем с величайшим любопытством, хотя следить было ровно не за чем. Белинского отпели и опустили в могилу, как и всякого другого, и огорченные друзья его бросили молча по христианскому обычаю горсть земли в его могилу, в которой уже начинала проступать вода…».

Автор этих строк, И. И. Панаев, отмечал, насколько разнился этот скромный обряд от проходивших тринадцать лет спустя похорон Н. А. Добролюбова. О выносе тела объявили газеты. Место для могилы было специально выбрано рядом с Белинским, чтобы подчеркнуть тесную идейную связь двух выдающихся литературных критиков. На похоронах собралось до двухсот человек, в числе которых были профессора университета, журналисты, известные литераторы. «Гроб несен был на руках от квартиры покойного [на Литейной улице] до самого Волкова кладбища… над его могилой произнесено было несколько задушевных слов его друзьями

---

[122] *Золотницкая Т.Д.* Александр Евстафьевич Мартынов. Л., 1988. С. 185–188.

и посторонними лицами и прочтены были отрывки из его дневника…»[123]. Известно, что на могиле Добролюбова выступали Н. А. Некрасов и Н. Г. Чернышевский. Тут же среди присутствующих провели сбор средств в помощь ссылаемому в Сибирь поэту и публицисту М. Л. Михайлову, одному из авторов знаменитой прокламации «К молодому поколению».

Выбор места для погребения играл в прошлом веке немаловажную роль. Мартынов был похоронен на Смоленском кладбище рядом с другими известными актерами: В. А. Каратыгиным, В. Н. Асенковой. Дорожка на Волковском кладбище близ надгробий Белинского и Добролюбова уже в 1880-е гг. стала называться «Литераторскими мостками»: здесь хоронили писателей, журналистов, общественных деятелей революционно-демократического направления. Достоевскому, присутствовавшему на похоронах Некрасова 30 декабря 1877 г., понравилось Новодевичье кладбище, и вдова писателя собиралась похоронить его там. Однако Александро-Невская лавра предложила для погребения Достоевского любое из своих кладбищ. Анна Григорьевна выбрала место рядом с Жуковским. Имя великого романиста придало особое значение лаврскому некрополю как Национальному Пантеону, где уже покоились Ломоносов, Крылов, Карамзин, Глинка…

Ф. М. Достоевский скончался 28 января 1881 г. в 8 часов

---

[123] *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 355, 366.

38 минут вечера. По православному обычаю, на квартире в Кузнечном переулке дважды в день совершались панихиды. Пели певчие из соседней Владимирской церкви, Исаакиевского собора и других церквей. В субботу 31 января состоялся вынос тела. А. Г. Достоевская вспоминала: «Еще накануне выноса мой брат, желая меня порадовать, сказал, что восемь таких-то учреждений предполагают принести венки на гроб Федора Михайловича, а наутро венков уже оказалось семьдесят четыре, а возможно, что и более… Погребальное шествие вышло из дому в одиннадцать часов и только после двух часов достигло Александро-Невской лавры». Гроб несли родные и близкие писателя, среди них и его друзья по кружку петрашевцев А. Н. Плещеев и А. И. Пальм. Шествие открывали учащиеся всех петербургских учебных заведений, затем шли художники, актеры, депутации из Москвы: «длинная вереница на шестах несомых венков, многочисленные хоры молодежи, певшие погребальные песнопения, гроб, который высоко воздымался над толпой, и громадная, в несколько десятков тысяч масса людей, следовавших за кортежем»[124]. В процессии участвовало до шестидесяти тысяч человек.

Гроб Достоевского внесли в Свято-Духовскую церковь лавры, где был совершен парастас (торжественная всенощная). 1 февраля в церкви состоялось торжественное отпевание. На Тихвинском кладбище было настолько многолюд-

---

[124] *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М., 1987. С. 403–412.

но, что «люди взбирались на памятники, сидели на деревьях, цеплялись за решетки, и шествие медленно подвигалось, проходя под склонившимися с двух сторон венками разных депутаций». Над открытой могилой выступали профессора и литераторы. Среди них был двадцативосьмилетний Владимир Соловьев…

Прошло сто семь лет, и в 1988 г. годовщина смерти Ф. М. Достоевского была отмечена панихидой на могиле. После десятилетий безмолвия вновь зазвучала молитва на том месте, где погребен один из крупнейших религиозных писателей России…

В памяти современников остались и похороны И. С. Тургенева. Друг писателя М. М. Стасюлевич вспоминал его слова: «Я желаю, чтоб меня похоронили на Волковом кладбище, подле моего друга Белинского, конечно, мне прежде всего хотелось бы лечь у ног моего учителя Пушкина, но я не заслуживаю такой чести». Я старался отключить его от подобной печальной темы и ответил ему сначала шуткой, что я, как гласный Думы, долгом считаю его предупредить, что это кладбище давно осуждено на закрытие и ему придется попутешествовать и в загробной жизни. «Ну, когда-то еще это будет, – отвечал он, также шутя, – до того времени успею належаться. Тогда я ему напомнил, что могила Белинского давно обставлена со всех сторон. «Ну, да я не буквально, – возразил он мне, – все равно будем вместе, на одном клад-

бище»"[125].

Тургенев умер в Буживале, во Франции, и отпевание происходило 19 сентября 1883 г. в русской церкви на рю Дарю в Париже. Гроб с телом писателя по железной дороге доставили в Россию. От приграничной станции Вержболово на остановках служили панихиды. Множество людей заранее собирались у станций и полустанков по пути движения скорбного груза. Торжественная встреча в столице произошла 27 сентября на перроне Варшавского вокзала.

Как вспоминал А. Ф. Кони, «прием гроба в Петербурге и следование его на Волково кладбище представляли необычное зрелище по своей красоте, величавому характеру и полнейшему, добровольному и единодушному соблюдению порядка. Непрерывная цепь 176-ти депутаций от литературы, от газет и журналов, ученых, просветительных и учебных заведений, от земств, сибиряков, поляков и болгар заняла пространство в несколько верст, привлекая сочувственное и нередко растроганное внимание громадной публики, запрудившей тротуары, – несомыми депутациями изящными, великолепными венками и хоругвями с многозначительными надписями. Так, был венок «Автору «Муму» от общества покровительства животным»; венок с повторением слов, сказанных больным Тургеневым художнику Боголюбову: «Живите и любите людей, как я их любил», – от товари-

---

[125] *Стасюлевич М. М.* Из воспоминания о последних днях И. С. Тургенева // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1969. С. 445.

щества передвижных выставок; венок с надписью «Любовь сильнее смерти» от педагогических женских курсов. Особенно выделялся венок с надписью «Незабвенному учителю правды и нравственной красоты» от Петербургского юридического общества… Депутация от драматических курсов любителей сценического искусства принесла огромную лиру из свежих цветов с порванными серебряными струнами»[126].

На Литераторских мостках Волковского кладбища 13 апреля 1891 г. хоронили Н. В. Шелгунова. В похоронах известного революционера-шестидесятника принимали участие не только студенты и разночинцы, но и большая группа рабочих, организованная М. И. Брусневым. В шествии от Фурштатской улицы по Знаменской и Лиговке несли венок с надписью «Указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих». Эта семитысячная демонстрация явилась, по словам Бруснева, «первым выступлением русского рабочего класса на арену политической борьбы».

Одним из впечатляющих событий петербургской жизни были похороны П. И. Чайковского 28 октября 1893 г. Покрытая парчовым балдахином золотистая колесница с лирами из бессмертников с инициалами композитора на углах везла гроб от Малой Морской (дома, где умер Чайковский) к Мариинскому театру. Пели хоры Русской оперы, Архангельского и Шереметева, венков в процессии насчитывалось более трехсот. В похоронах приняли участие девяносто

---

[126] *Кони А. Ф.* Собр. соч. Т. 6. М., 1968. С. 385–388.

три депутации от разных городов России, всех петербургских и московских театров, Русского музыкального общества, двух консерваторий, училища правоведения, университета и т. д. От театра, где впервые прозвучали многие произведения Чайковского, процессия направилась к Казанскому собору, в котором происходило отпевание. Десятки тысяч людей заполнили Невский проспект во время движения траурного кортежа к лавре, продолжавшегося два часа[127].

Похоронные церемонии получали широкое отражение в газетных и журнальных публикациях. Описания, подобные приведенным выше, фотографии, обширные некрологи занимали значительное место на страницах печати. Было бы несправедливо видеть в этом лишь удовлетворение праздного любопытства читающей публики. Печальный, но неизбежный итог земного существования воспринимался как его органичная часть, вполне заслуживающая достойного освещения. Тем самым утверждалось понимание ценности и значимости человеческой жизни.

* * *

Новое столетие существенно изменило отношение к кладбищу как принадлежности семейного, родового быта. Появилась принципиально новая форма массовых захороне-

---

[127] *Конисская Л.М.* Чайковский в Петербурге. Л., 1974. С. 293–300.

ний.

Разумеется, братские могилы существовали и на кладбищах XIX в. На Красненьком, например, в общей могиле были похоронены жертвы наводнения 1824 г., на Смоленском – жертвы халтуринского взрыва в столовой Зимнего дворца в 1880 г., на Пороховском – рабочие, погибшие при взрывах на пороховых заводах. В годы эпидемий в братских могилах хоронили людей беднейшего состояния. Однако подобные примеры можно рассматривать скорее как исключение. Место могилы, как правило, связывалось с индивидуальным или семейным захоронением.

Крупные социальные потрясения нового века и невиданные по масштабам военные бедствия стали причиной множества братских захоронений.

В Петрограде первым в XX в. мемориалом массового характера стали братские могилы на Марсовом поле. 23 марта 1917 г. здесь состоялось торжественное захоронение ста восьмидесяти гробов с останками участников февральской революции[128].

Известно, что первоначальным местом захоронения была назначена Дворцовая площадь. Лишь благодаря усилиям Комиссии А. М. Горького, ставившей целью защиту памятников культуры в революционное время, исторический ансамбль главной площади города удалось сохранить. Марсово

---

[128] *Стригалев А. А.* Памятник героям революции на Марсовом поле // Вопр. изобразит. искусства и архитектуры. М., 1975. С. 105–178.

поле, представлявшее собой огромное незастроенное пространство, оказалось идеальным местом для сооружения памятника общественно-политического значения.

Похороны на Марсовом поле стали грандиозной демонстрацией, в которой приняли участие сотни тысяч людей. С разных концов Петрограда, из-за Нарвской заставы, с Выборгской и Петроградской стороны, от Шлиссельбургского проспекта двигались организованные колонны с флагами и транспарантами. Начавшаяся в пять часов утра торжественная церемония продолжалась свыше двадцати часов.

В ходе Февральской революции погибли тысяча триста восемьдесят два человека[129]. В братских могилах похоронили сравнительно небольшую их часть. Предание земле останков на Марсовом поле имело прежде всего символическое значение – утвердить «на крови» новое светлое здание революционного будущего. Светская по своему характеру церемония погребения, в сущности, опиралась на глубоко сакральное и архаическое представление о священной жертве.

В создании мемориала на Марсовом поле, с тех пор в течение сорока лет именовавшемся «Площадью жертв революции», проявились принципиально новые моменты, закрепленные практикой последующих десятилетий. Выбор места погребения не связывался с какой-либо традицией: кладбища здесь никогда не было. Достаточным основанием ока-

---

[129] Правда. 1917. 23 марта. Цит. по: *Шварц В. С.* Архитектурный ансамбль Марсова поля. Л., 1989. С. 159.

залось центральное положение площади, ее размеры, наличие свободных подходов к месту, которое назначалось отныне для проведения массовых митингов и демонстраций. Первый такой крупный митинг состоялся 18 апреля (1 мая) 1917 г. и был приурочен к празднику пролетарской солидарности.

«Тематическая направленность» некрополя подразумевала, что в этом месте чтят память не столько тех или иных конкретных жертв, остающихся безымянными, – сколько самого события, с которым связано погребение. В первые годы после Октября был создан целый ряд мемориалов, чье местоположение подчеркнуто отделено от рядовых кладбищ: парк Лесотехнической академии, Коммунистическая площадка в лавре, дворцовый плац в Гатчине и т. п.

В судьбе некрополя отражается судьба города живых. Финал петербургского периода русской истории обрушился на старые городские кладбища мощной, всесокрушающей волной.

Петербург накануне революции – это крупнейший в России город с населением в два с половиной миллиона человек, средоточие административных, политических, военных, экономических, хозяйственных, интеллектуальных сил страны. Разветвленная система двенадцати министерств и управлений, руководивших организмом империи, армия бюрократии и полиции – тысячи чиновников разных степеней и рангов. Руководство российской армией и флотом, полки им-

ператорской гвардии, морские соединения, военные учебные заведения – десятки тысяч офицеров, солдат, матросов. Крупнейшие промышленные предприятия, банки, акционерные общества, страховые компании, универмаги, торговые дома – сотни финансовых магнатов, банкиров, заводчиков, богатых домовладельцев, тысячи торговцев, коммивояжеров, биржевых клерков. Столица русской культуры – академики, профессора, литераторы, художники, музыканты, актеры, издатели. Адвокаты, врачи, деятели земства, думские ораторы – множество людей, представляющих все стороны жизни столичного города, центра огромного государства.

За годы революции и Гражданской войны население Петрограда уменьшилось почти в три раза. Опустошительный голод 1918–1919 гг., беспримерно жестокий террор, массовые высылки, бегство и эмиграция – все это резко изменило социальный состав населения. Не могло это не сказаться и на судьбе городского некрополя.

Многие тысячи памятников остались без родственного ухода и присмотра. Заброшенные кладбища сделались добычей мародеров. Грабеж и осквернение могил и склепов, ставшие в первые послереволюционные годы обычным явлением, оказались возможными не только из-за отсутствия надежной охраны, но и как следствие широко распространившейся морали вседозволенности и анархии. Элементарно понятые идеи социальной справедливости и классовой

борьбы вызывали резко отрицательное отношение к «богатым» памятникам и могилам «экспроприаторов».

Стремительно изменялось представление о неприкосновенности могилы. Решающее значение имела для этого атеистическая политика новой власти. К лету 1918 г. относятся первые вскрытия мощей, приобретшие через полгода всероссийский размах. Эти акции были расценены как действенное средство антирелигиозной пропаганды и получили полное одобрение органов государственной власти.

Справедливости ради надо отметить, что десакрализации кладбища способствовал наметившийся еще в середине XIX в. утилитарно-прагматический подход к месту погребения. Комплекс необходимых санитарно-гигиенических мер по благоустройству кладбищ неизбежно снижал их в иерархии общественно значимых ценностей. Из места, хранящего тайну загробной жизни, кладбище превращалось в элемент организованного городского хозяйства. Однако эта тенденция не была определяющей. Само содержание кладбищенского обряда, его связь с религиозно-нравственными представлениями поддерживали уважительное отношение к месту вечного покоя. В послереволюционной судьбе кладбищ существенно важным было пренебрежение правилами православного погребения (как, впрочем, и других вероисповеданий). Сначала на «коммунистических площадках», а затем и повсеместно на городских кладбищах стали хоронить без отпевания и молитвы.

О состоянии некоторых исторических кладбищ города в августе 1918 г. сообщала записка В. Я. Курбатова в музейный отдел Главнауки[130]. Известный знаток петербургской старины определял методические основы изучения и сохранения некрополей. Лазаревское кладбище он выделил как особенно ценное, причем отмечал, что все памятники в лавре – «в ужасающем забросе».

Согласно декрету Совнаркома от 18 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства», все монастыри были ликвидированы как хозяйственные организации. Однако лавра до 1922 г. продолжала быть резиденцией петроградского митрополита Вениамина. Продолжались и погребения на лаврских кладбищах, против чего Курбатов решительно возражал, так как «монахи среди старых могил находят места для новых, безжалостно разрушая старые».

На Смоленском и Волковском кладбищах также отмечалось «плачевное состояние» ряда художественных и исторических надгробий; их, по мнению автора записки, следовало выявить и на «быстро разрушающемся» Новодевичьем кладбище, а также Холерном на Выборгской стороне, Новодеревенском, Большеохтинском, в Сергиевой пустыни и Мартышкинском. Интересно, что летом 1918 г. состояние лютеранских кладбищ оценивалось как более удовлетворительное. Это, очевидно, было связано с их традиционной ухоженностью; дальнейшее развитие событий привело к преимуще-

---

[130] ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 21.

ственному уничтожению иноверческих надгробий.

7 декабря 1918 г. был подписан декрет Совнаркома «О кладбищах и похоронах», согласно которому все места захоронений и организация похорон переходили в ведение местных советов, а духовные лица от управления кладбищами устранялись. Декрет гласил: «Для всех граждан устанавливаются одинаковые похороны: деление на разряды, как мест погребения, так и похорон, уничтожается»[131]. На деле это не могло не привести к полному развалу складывавшейся десятилетиями системы кладбищенского хозяйства.

С 1 февраля 1919 г. кладбища Петрограда поступили в ведение Комиссариата внутренних дел Петрокоммуны. Комиссия по национализации кладбищ выработала инструкцию для комиссаров, назначенных на все городские кладбища. Комиссией руководил член коллегии комиссариата Б. Г. Каплун, в ее состав входили представители органов внутренних дел, здравоохранения, юстиции: Б. Б. Габор, В. П. Кашкодамов, Р. А. Теттенборн[132].

Функционирование кладбищ в советский период выходит за рамки настоящей статьи. Необходимо коснуться лишь тех сторон организации кладбищенского дела, которые имеют отношение к историческим некрополям. В условиях, охарактеризованных выше, первоочередной задачей становилось выявление и сохранение исторически значимых надгробий,

---

[131] Декреты Сов. власти. Т. 4. М., 1968. С. 163.

[132] ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 4. Л. 38.

которые ждала та же судьба, что и тысячи других, стремительно разрушавшихся памятников.

В мае 1919 г. при музейном отделе Главнауки была создана комиссия по восстановлению Лазаревского кладбища. Старейший некрополь города был изолирован от остальной территории лавры, захоронения в нем прекратили.

17 октября 1921 г. на заседании президиума Российского института истории искусства С. Н. Жарновский выступил с предложением создать общество «Старый Петербург». Первое заседание общества прошло 5 декабря. Присутствовали Б. В. Асафьев, А. Н. Бенуа, Л. А. Ильин, М. Д. Философов, среди избранных действительных членов общества были В. Н. Аргутинский-Долгоруков, А. Ф. Гауф, М. В. Добужинский, А. Ф. Кони, Н. Е. Лансере, А. П. Остроумова-Лебедева, С. Ф. Платонов, И. А. Фомин, С. П. Яремич. Состав общества в этот первый период показывает, что, в сущности, оно возрождало основанный в 1907 г. «Музей Старого Петербурга»[133].

Среди первоочередных забот нового общества были изучение и охрана Лазаревского кладбища, территорию которого с 1923 г. общество взяло в аренду. Была проведена полная опись сохранившихся памятников, началась их частичная реставрация.

Комиссия по изучению ленинградских кладбищ, в которую входили А. Г. Яцевич, В. М. Федоров, А. А. Плато-

---

[133] ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Д. 8.

нов, работала и в других действующих некрополях. В начале 1925 г. по ее распоряжению были сняты мраморные и бронзовые бюсты с надгробий Смоленского кладбища ввиду угрозы их похищения[134]. Основания для этой акции были весьма серьезными: так, в марте 1925 г. А. И. Ульянова-Елизарова писала о краже на Литераторских мостках портретов с надгробий Н. Ф. Бунакова, Г. З. Елисеева, Н. К. Михайловского; несколько позже был украден бюст с памятника М. Е. Салтыкову-Щедрину[135]. Снятые обществом «Старый Петербург» детали надгробий хранились в принадлежавшем ему здании на Волховском переулке, 1–3, где размещался «Музей отжившего культа». Туда же, чтобы спасти от уничтожения, переносили иконостасы и утварь из закрывавшихся церквей.

В условиях нэпа общество «Старый Петербург», поставленное на хозрасчет, не справилось с финансовыми трудностями. В 1926 г. все его имущество было продано с публичных торгов, здание на Волховском отобрано, многие из собранных ценностей пропали. Некоторые бюсты со Смоленского кладбища лишь в 1930-е гг. оказались в Русском музее, переданные сюда из бронзолитейной мастерской Академии художеств.

С 1927 г. городской отдел коммунального хозяйства, в ведении которого находились места захоронений, начал закры-

---

[134] Там же. Д. 1. Л. 160.

[135] Вечерняя красная газ. 1925. 26 марта; 1927. 14 дек.; 1928. 6 янв.

вать старые кладбища. В апреле было принято решение о немедленном закрытии Митрофаниевских кладбищ: православного и лютеранского. В ноябре, по ходатайству Володарского райсовета, закрыли Преображенское у Фарфорового завода. С января 1928 г. были закрыты для погребения Тихвинское и Никольское кладбища в лавре, а также Малоохтинское православное. Одновременно предполагалось расширить Киновиевское кладбище на правом берегу Невы[136].

О состоянии кладбищенского хозяйства шла речь на заседании пленума секции коммунального хозяйства Ленсовета 24 февраля 1928 г. На этот период в городе существовало сорок шесть кладбищ. Одно из них – Лазаревское – считалось музейным и было закрыто для посещения. Площадь двенадцати закрытых для погребения кладбищ составляла восемьдесят гектаров, тридцати четырех действующих – триста восемьдесят два. Наиболее активно использовались Преображенское (Обуховское), Успенское (Северное), Богословское, Серафимовское, Волковское, Большеохтинское, Киновиевское и Новодевичье кладбища. Городские коммунальщики решили, что к 1936 г. все кладбища в черте города должны быть закрыты «за переполнением»[137].

Выступление на пленуме В. М. Федорова дает яркую картину разорения старых городских некрополей. Огромные дорогостоящие надгробия разрушались ради мелких утили-

---

[136] Там же. 1927. 19 апр.; 22 окт.; 1928. 21 сент.

[137] Протокол цит. по копии в Архиве ГМГС.

тарных целей: «добыча медных, бронзовых и других металлических частей (скобы, стержни, розетки)». Мраморные плиты и доски разбивались «с целью утилизации для особого типа захоронений – «раковин»». Докладчик указывал, что «общим для многих кладбищ отрицательным явлением надо признать множество раскиданных памятников, валяющихся в траве (опрокинуты колонны, обелиски, доски и т. д.). Кроме того, разрушенный вид создают разбитые склепы и усыпальницы…».

Президиум Ленсовета периодически издавал решения об охране кладбищ. Так, например, 18 августа 1928 г. было принято постановление об «обязательном соблюдении Обязательного постановления об охране порядка на кладбищах», предусматривающее расследование дел о хищении памятников, организацию ночных облав «для выявления преступного и хулиганского элемента». Однако сама периодичность принятия подобных постановлений говорит о полной их неэффективности[138].

В июне 1928 г. «Вечерняя красная газета» сообщила, что «начались работы по ремонту ряда кладбищ Ленинграда». Сооружались новые ограды на Смоленском, Митрофаниевском и Преображенском (Фарфоровском) кладбищах, прокладывался дренаж на Смоленском. Газета обещала: «с началом лета Спасо-Преображенское и Лазаревское кладби-

[138] ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 12. Д. 92. Л. 1.

ща превратятся в парки»[139]. Работы в основном сводились к «очистке кладбищ от разрушенных памятников и палисадников». Средства, вырученные от продажи деталей разобранных памятников, шли на нужды Откомхоза. Отсюда прямая заинтересованность в уничтожении возможно большего числа старых надгробий. Кладбища превратились в своеобразные каменоломни, где добывался полированный камень дорогих и редких пород. Газета «Известия» отмечала в 1931 г., что на Волковском «кладбищенская администрация в течение этого лета разобрала несколько сот надгробных памятников и продала свыше 2 000 кубометров бутовой плиты. Бесхозность памятников определяет комиссия, в которую входит зав. кладбищем, сторож и педагог»[140].

Мысль о создании на месте старых петербургских кладбищ «зеленого кольца» единого городского парка с сохранением художественно-исторических надгробий принадлежала активистам общества «Старый Петербург». Целиком этот план не удался, но начало ему было положено устройством музея-некрополя[141].

Идея родилась в Москве в связи «с ликвидацией почти всех старых монастырских кладбищ». Обеспокоенный этой беспримерной по масштабам акцией, Всероссийский союз

---

[139] Веч. красная газ. 1928. 5 июня.

[140] Пошляки на кладбище // Известия. 1931. 22 сент.

[141] *Конечный А.М.* Общество «Старый Петербург-Новый Ленинград» // Музей. 1987. Вып. 7. С. 249–252.

писателей обратился 6 апреля 1931 г. в Мосгорисполком с письмом, в котором просил сохранить хотя бы исторический некрополь Донского монастыря. Сюда же писатели предлагали «свезти останки выдающихся деятелей со всех ликвидированных уже московских кладбищ». Сектор науки Наркомпроса РСФСР отношением в секретариат Президиума ВЦИК от 27 апреля поддержал эту идею, распространив ее и на Ленинград.

Предлагалось создать кладбища-заповедники в Александро-Невской лавре и на Литераторских мостках. Ленинградский областной отдел коммунального хозяйства в принципе согласился, сопроводив ответ в секретариат ВЦИК знаменательным пожеланием: «По разрешении этого вопроса необходимо иметь в виду, что родственники умерших весьма неохотно соглашаются на перезахоронение останков, а поэтому ЛООКХ полагал бы целесообразным издать по РСФСР особое распоряжение, обязывающее родственников не чинить препятствий при перезахоронении»[142].

Решение «О превращении Лазаревского кладбища Александро-Невской лавры в кладбище-музей надгробных памятников» было принято на заседании президиума Ленсовета 28 июля 1932 г. В нем говорилось о «перенесении прахов известных общественных деятелей, писателей и художников» в музейный некрополь, где, в свою очередь, разрешалось ликвидировать «позднейшие, не представляющие со-

---

[142] Отношение цит. по копии в Архиве ГМГС.

бой художественного значения памятники».

Ситуация складывалась трагическая. Надгробия, историческая и художественная ценность которых была несомненной, отправляли в музей-некрополь «с перенесением прахов» (а иногда и без оного). Если же ценность того или иного захоронения казалась недостаточной, могилу обрекали на уничтожение – в особенности когда разрушение памятника сулило материальную выгоду.

В 1907 г. Н. Н. Врангель впервые обратил внимание на преданные забвению шедевры мемориальной скульптуры на старых петербургских кладбищах. Но он вряд ли предполагал, что через четверть века художественная уникальность памятников позволит сделать вывод о малосущественности их мемориального значения, о том, что памятники эти можно попросту убрать с могил и перенести в музей, уничтожив тем самым место погребения.

Справедливости ради заметим: идея создания национального Пантеона – места погребения выдающихся исторических лиц – принадлежит новоевропейской культуре. Некрополь мастеров искусств на месте Тихвинского кладбища лавры и некрополь Литераторские мостки представляют собой именно такие мемориалы. Однако практическое осуществление этой идеи в конкретных условиях Ленинграда 1930-х гг. оказалось чревато многими несправедливыми и бессмысленными утратами.

В немалой степени это объяснялось организационной

неразберихой. Занимавшееся вопросами культуры ведомство не имело достаточных средств для проведения работ по устройству музея-некрополя. Пришлось из ведения массового отдела Ленсовета передать некрополи Похоронному тресту. А эта организация, живо заинтересованная в списании «бесхоза», вела дело, как писал первый директор музея Н. В. Успенский, «сплеча, как попало, допуская к этому ответственному и новому делу злонамеренных корыстно-хищных и к тому же еще совершенно невежественных лиц, которые, увы, только лишь впоследствии, и то частично, были изгнаны наконец с позором»[143].

В сентябре 1934 г. Лазаревский некрополь посетила группа ленинградских литераторов. Об увиденном они писали А. М. Горькому: «То состояние, в каком находится сейчас Лазарево кладбище, внушает серьезное опасение за его судьбу и сохранность его художественного комплекса, и потому наше обращение к Вам есть одновременно и надежда на улучшение его материального благосостояния, а с ним и возможность признания заповедника в его правах и обязанностях как музея всесоюзного значения, каким он фактически и является». Письмо подписали И. А. Груздев, Г. А. Гуковский, М. М. Зощенко, В. А. Каверин, С. Я. Маршак, М. Л. Слонимский, Ю. Н. Тынянов, К. А. Федин, О. Д. Форш, А. П. Чапыгин и др. 26 марта 1935 г. А. М. Горький сообщил И. А. Груздеву, что говорил о Лазаревском кладбище с А. А.

---

[143] Письмо Н. В. Успенского И. Э. Грабарю, 11 июня 1938 // Архив ГМГС.

Ждановым и «получил твердое его согласие серьезно заняться этим делом»[144]. Очевидно, результатом этого стало постановление президиума Ленсовета от 3 июля 1935 г. «О выделении из треста «Похоронное дело» Лазаревского, Тихвинского и Литераторских мостков Волковского кладбищ в самостоятельную единицу в системе Управления благоустройства». В свойственном тому времени директивном стиле постановление предписывало «в месячный срок» учесть все исторические и художественные памятники на всех кладбищах Ленинграда и «составить план и систему переноса скульптур и перезахоронения прахов на кладбищах-парках»[145].

В «Ленинградской правде» 26 августа 1935 г. было помещено объявление, что в связи с превращением Лазаревского, Тихвинского кладбищ и Литераторских мостков в парки-музеи «гражданам, имеющим могилы родственников, непоименованные комиссией в списках оставленных, предлагается в трехмесячный срок осуществить перезахоронения… Не подав за три месяца заявления, могилы будут считаться бесхозными и подлежат сносу». Коммунальные работники со всем рвением начали работы на Тихвинском кладбище, и летом 1937 г. на его месте был открыт мемориальный парк-некрополь мастеров искусств. Что же до таких, по выражению Н. В. Успенского, «подлинных сокровищ и рассадников знаний, как собрание художественных памятников Лазаревско-

---

[144] Переписка М. Горького. Т. 2. М., 1986. С. 362.

[145] Протокол: цит. по копии в Архиве ГМГС.

го заповедника и знаменитых могил «Литераторских мостков»», – они остались «в прежнем запустении и хаосе»[146].

Гораздо хуже обстояло дело на других исторических кладбищах. Вот запись активистки общества «Старый Петербург—Новый Ленинград» С. В. Поль за 1935 г.: на Смоленском православном «памятник проф. живописи А. Е. Егорова покосился; проф. живописи И. Е. Яковлев: сброшена часть колонки над рустом; проф. живописи К. Д. Флавицкий: п-к совершенно уничтожен, но место пока не захоронено (у часовни Анны Праведной); на могиле акад. Крачковского крест с метал. дощечкой с полустертой надписью (у ворот)… недостроенный памятник архитектора фон Гогена сегодня начали разбирать (находится недалеко от ворот, направо)… могила поэта Блока находится в чистоте, но крест не мешало бы покрасить»; на Волковском лютеранском «у памятника Росси решетка уничтожена, памятник косится»; на Выборгском католическом «начинает разрушаться памятник арх. Шарлеманя, т. к. значительная часть кирпичной кладки обнажена»[147].

В начале 1936 г. городские власти рассмотрели вопрос о закрытии десяти кладбищ, в том числе Волковского, Громовского, Смоленского, Большеохтинского. Одновременно были намечены новые кладбищенские участки: у станции

---

[146] *Успенский Н. В.* Докладная записка о мероприятиях по реорганизации и благоустройству Лазаревского кладбища-музея // Архив ГМГС.

[147] ОР РНБ. Ф. 443. Д. 225.

Шуша ры – тридцать семь гектаров, у деревни Пискаревка – тридцать, у совхоза «Василеостровец» – пятьдесят. Было отмечено, что «дело с ликвидацией вышеперечисленных кладбищ и организацией новых подвигается крайне медленно вследствие целого ряда затруднений организационного и материального характера»[148]. Речь шла именно о полной ликвидации кладбищ, следовавшей за закрытием их для погребения. Намеченные к закрытию в 1927 г. Фарфоровское и Малоохтинское православное кладбища были уже в 1930-е гг. полностью уничтожены. Стирались целые участки Митрофаниевского (окончательно погибшего в 1950-е гг.). С апреля 1930 г., в связи с предстоящей ликвидацией кладбища Сергиевой пустыни, с памятников снимали «отдельные части…, представляющие художественное и историческое значение»[149]. О планах полной ликвидации других исторических кладбищ свидетельствуют перезахоронения с Волковского лютеранского, Смоленских, Новодевичьего и Никольского. Прах А. А. Блока и его близких был перенесен со Смоленского на Литераторские мостки в 1944 г.

Замысел превратить уничтожаемые кладбища в парки не осуществился. В марте 1940 г. происходило уничтожение Выборгского римско-католического кладбища. Его переда-

---

[148] Протокол № 3 Комиссии музейного сектора Культпросветотдела от 5 марта 1937 // Архив ГМГС.

[149] Отношение уполномоченного Управления НКП по ВУЗ, рабфакам, научным, научно-художественным и музейным учреждениям г. Ленинграда от 7 апреля 1930 // Архив ГМГС.

ли районному финотделу, который, с целью извлечения дохода, организовал здесь настоящую каменоломню. Сохранилось свидетельство очевидца: «Рабочие, добывающие камни, не разбирают памятников с целью рационального использования камня и других частей памятников, а разламывают последние, большей частью разбивая целые каменные глыбы на мелкие осколки. При разламывании памятников происходит массовое повреждение растительности»[150]. Некогда тенистое, утопавшее в зелени, кладбище с ухоженными цветниками и газонами так и не стало «парком культуры и отдыха». Разгром завершился после войны перестройкой костела в заводской цех и появлением здесь зоны промышленных предприятий.

Безжизненное пространство между Минеральной и Арсенальной улицами, где когда-то было римско-католическое кладбище; гаражи и склады на Митрофаньевском шоссе, сохранившем название существовавшего там некрополя; сквер на месте Фарфоровского кладбища – вот судьба старинных городских скуделен.

Скорбная эпопея ленинградской блокады осталась на старых кладбищах рядами безымянных братских могил и множеством могильных холмиков, под которыми покоятся сотни тысяч людей. Тема эта целиком принадлежит советской истории и заслуживает всестороннего и тщательного изуче-

---

[150] Никонов, инженер-экономист. Докладная записка в ТЭС АПО Ленсовета от 8 марта 1940 // Архив ГМГС.

ния. Память об этом не должна исчезнуть никогда. Особая тема – выявление мест захоронения жертв государственного террора 1918–1953 гг. и создание мемориальных комплексов, начало чему было положено в 1990-е гг. установкой памятников в Левашевской пустоши.

В 1947 г. вновь открылся для посещения Некрополь мастеров искусств, вскоре после этого – Некрополь XVIII в., лаврские усыпальницы и Литераторские мостки. Надгробные памятники этих некрополей, общим числом около трех тысяч, составляют фонд Государственного музея городской скульптуры. Перенос в музейные некрополи исторических захоронений и художественных памятников, шедший и в первые послевоенные годы, постепенно был полностью прекращен. В некрополе Литераторские мостки, а частично и в Некрополе мастеров искусств, допускались захоронения известных ленинградских ученых, деятелей искусства. Однако превращение этих некрополей в обычное кладбище едва ли допустимо: они сложились как музейные заповедники, и захоронения здесь должны быть прекращены.

В современном Санкт-Петербурге существует 43 кладбища, в пригородах – 55. В целом их территория составляет 1,5 тысяч га. Петербургский некрополь включает Пискаревское мемориальное кладбище, архитектурный ансамбль которого был завершен в 1960 г., и мемориал «Левашевская пустошь».

Для захоронений преимущественно используются осно-

ванное в 1971 г. на Волхонском шоссе Южное кладбище (крупнейшее в Европе, площадь 183 га) и существующее с 1984 г. Ковалевское кладбище (пл. 110 га) на границе Всеволожского района Ленинградской области.

Из исторических кладбищ города ведутся захоронения на Смоленских, Волковских, Северном, Богословском, Большеохтинском, Киновиевском, Казанском в Рыбацком, Жертв 9 января (бывшем Преображенском), Еврейском, Красненьком, Серафимовском, Шуваловском, Никольском в лавре. В пригородах действуют кладбища в Зеленогорске, Сестрорецке, Комарово, Лахте, Пушкине (Казанское), Колпино и др. Все кладбища, как «закрытые», так и «полузакрытые», находятся в ведении Санкт-Петербургского государственного унитарного предприятия «Ритуальные услуги». В его же ведении Крематорий с колумбарием на Шафировском проспекте (основан в 1973 г.).

Серьезная проблема современного города – нехватка площадей для новых захоронений. Возобновление погребений на исторических кладбищах в 1990-е гг. оказалось до известной степени вынужденной мерой. На старых кладбищах целые участки освобождаются от непосещаемых могил и обветшавших надгробных знаков. В целом это отвечает принятой европейской практике. Однако дефицит кладбищенского пространства во многом определен сохранением российской традиции погребения в могиле (на Западе кремируется до 90 %, тогда как у нас не более 15 %).

Сложившаяся в 1930-е гг. практика уничтожения «бесхоза» продолжается, к сожалению, и сейчас. Вместе с тем с конца 1980-х гг. в отношении к старым кладбищам наметились серьезные изменения. С целью благоустройства и возобновления захоронений прошли реконструктивные работы на Никольском, Новодевичьем, Смоленских кладбищах. Но нельзя не отметить, что в процессе этих работ несколько сократилась территория исторических некрополей, утрачен целый ряд памятников.

Следует ли в дальнейшем создавать чисто музейные некрополи? По нашему мнению, нет. Печальный опыт переноса исторических захоронений в 1930-1950-х гг. можно объяснить специфическими условиями времени, однако вряд ли этот путь сохранения исторических захоронений приемлем сегодня.

В определенные исторические эпохи идея Пантеона как места погребения выдающихся представителей нации была оправданна (вспомним Пантеон Великой французской революции). Желание «переписать историю» свойственно революционным эпохам. Но в поколениях оценка исторических лиц и событий изменяется. Произвольная ломка исторически сложившейся структуры кладбища, вырывание «великого человека» из окружения, связанного с ним тончайшими, далеко не всегда видимыми нитями, – антиисторично по существу[151].

---

[151] Подробнее см.: *Кобак А. В., Пирютко Ю. М., Чудиновская Т. Б.* Как спасти

Любое старое кладбище хранит память о сменяющих друг друга поколениях. Историческую значимость имеют не только отдельные, примечательные по тем или иным причинам памятники, но и само место кладбища, его территория в целом.

Необходимо осознать, что кладбище – составная часть сложного и многофункционального городского организма. Места, отводимые для погребения, по своей сути служат хранилищем исторической, духовной, нравственной памяти народа. Жизнь кладбища продолжается лишь тогда, когда могилы напоминают приходящим о их родителях – отцах, дедах, прадедах…

некрополь // Наше наследие. 1990. № 2. С. 123–138; *Котылев А.Ю.* Репетиция страшного суда: Некоторые мысли о восприятии смерти в общественном сознании 1920-х гг. // Семиотика культуры: III Всесоюз. школа-семинар. Тезисы докл. Сыктывкар, 1991. С. 27–29; *Макарова Л. М.* Смерть в идеологии и практике германского фашизма // Там же. С. 41–44; *Пирютко Ю.М.* Судьба могилы Блока // Невский архив. Вып. VII. СПб., 2006. С. 568–588. *Пирютко Ю.М.* Вечный покой // Петербург. Место и время. Информационно-аналитический журнал. Вып. 2. СПб., 2004. С. 30–34. Piriotko J. Les necropoles russes // Les sites de la memoire russe. T. 1 Geografic de la memoire russe. Sons la divection de Georges Nivat. Paris. Fayard. 2007. P. 424–440.

Ю. М. Пирютко
НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ: СТИЛЬ, МАСТЕРА, ЗАКАЗЧИКИ

Эстетические свойства петербургского некрополя яснее обнаруживаются, как ни парадоксально, в его разорении. Покалеченные ограды, провалившиеся, заросшие травой и кустарником склепы создают не лишенный своеобразной поэтичности образ увядания и смерти. «Ржавый ангелок», льющий, по ахматовскому слову, «сухие слезы» над забытой могилой, – это образ, который принципиально невозможно подвергнуть реставрации, «музеефицировать». Унылая картина разрушенных и искалеченных старых некрополей (Смоленских, Волковских, Никольского) коробит нас. Между тем, когда эти кладбища были действующими, когда Некрасову приходилось в поисках могилы Белинского шагать «по мосткам деревянным» в непролазную слякоть тогдашнего Волковского кладбища, ничего, кроме скуки и отвращения, это не вызывало.

Сама топография петербургского некрополя, по преимуществу плоского, низменного, переувлажненного, особенности климата, буквально съедающего камень, а деревянные кресты превращающего в труху, не давали людям XIX в. почувствовать красоту старинных надгробий. В XVIII в. на

кладбищах не сажали деревьев, и эти обширные, уставленные покосившимися крестами пространства производили, вероятно, особенно гнетущее впечатление. Лишь со временем, чему в немалой степени способствовала эпоха сентиментализма и романтизма с их культом смерти, ритуалом кладбищенских прогулок, воспевавшихся в элегиях и балладах, возникло эстетическое восприятие некрополя.

В полной мере почувствовать художественную значимость старинных надгробий петербуржцы смогли в то же время, когда художники «Мира искусства», литераторы «Старых годов» и «Аполлона» создали культ Старого Петербурга. Н. Н. Врангель, восклицавший, что «нигде не погибает столько произведений искусства, как в России», относил это и к «запущенным, забытым памятникам петербургских кладбищ», уничтожавшимся «осенними дождями, злыми зимними морозами – вместе с нашими вандалами». Занимавшийся историей русской скульптуры, Врангель впервые обратил внимание искусствоведов на памятники петербургского некрополя.

Искусство художественного надгробия всегда развивалось в общем русле с другими видами прикладного искусства и архитектуры, но при этом сохраняло ряд специфических черт. Прежде всего, это условия заказа памятника, в которых личные вкусы заказчика играют не меньшую роль, чем особенности художественного мышления эпохи и уровень мастерства исполнителя. Формы надгробий, как и обыва-

тельские вкусы, весьма консервативны и могут не изменяться десятилетиями. Тем более интересно, что эволюция художественных стилей все же заставляла эволюционировать и этот вид искусства, как никакой другой, придерживающийся традиционных форм.

Изучение надгробий петербургского некрополя затруднено тем, что значительная их часть погибла. Многие ценные памятники XVIII—первой половины XIX вв. были в 1930-е гг. перенесены со старых кладбищ в музейные некрополи и таким образом оказались вырваны из исторического окружения.

Памятники второй половины XIX—начала XX вв. оставались, в основном, на своих исторических местах. Зато и сохранность их оказалась катастрофична. Если памятники эпохи барокко и классицизма, окончательное разрушение которых в начале XX в. казалось неизбежным, уцелели в музейных некрополях, то сохранению интересных образцов эклектики и модерна долгое время не уделялось никакого внимания.

Художественные памятники петербургского некрополя XVIII–XIX вв. в основном сосредоточены сейчас в музейных некрополях и усыпальницах Александро-Невской лавры. Наиболее ранними являются каменные плиты супругов Ржевских, найденные в конце 1920-х гг. на Лазаревском кладбище. Стольник Иван Иванович Ржевский, скончавшийся в 1717 г., и его жена Дарья Гавриловна, умершая

в 1720 г., принадлежали к близкому окружению Петра I. Дарья Гавриловна была «князь-игуменьей» Всепьянейшего собора.

Эпитафия И. И. Ржевского сообщает, что он «родился от родителей своих… от рождества сына божия АХНГ (т. е. 1653) году месяца января в КЗ (27) день… погребен в приморском своем доме в церкви святых верховных апостолов Петра и Павла». Для даты кончины и числа прожитых лет оставлен пропуск, что указывает на старомосковскую традицию изготовления надгробной плиты еще при жизни заказчика. Массивные (толщиной до тридцати, длиной около ста восьмидесяти сантиметров) плиты вырублены из мягкого светлого известняка, напоминающего белый камень, излюбленный материал московских резчиков XVII в.

В верхней части плиты И. И. Ржевского, в круглом медальоне, помещен четырехконечный крест с традиционной, встречающейся еще на памятниках XI в., сакральной формулой «ИС ХС Ника» (имя Сына Божия и греческое слово, знаменующее победу Иисуса Христа над смертью). В нижней части плиты – череп. В основе этой композиции отразилось, очевидно, апокрифическое предание о Голгофе, на которой был распят Христос: это могила ветхозаветного Адама. Череп его омывается кровью Распятого на кресте, что символизирует спасение и веру в воскресение мертвых.

Виноградные лозы на плите Д. Г. Ржевской являются евангельским символом Иисуса Христа. На эту деталь следу-

ет указать особо, так как в существующей литературе повторяется совершенно несостоятельная мысль, будто надгробие «князь-игуменьи» своим орнаментом напоминает о развлечениях двора Петра I[152]. Не вдаваясь в характеристику «всепьянейших соборов», которые вовсе не были праздной и бессмысленной забавой, надо подчеркнуть, что изменения в облике русских надгробий назревали исподволь, постепенно. Утверждать, что в петровскую эпоху происходит какой-то крутой поворот в этом весьма консервативном жанре, нет оснований.

Мемориальная пластика – функциональный по своей природе вид искусства, который не может быть замкнут в чисто эстетических категориях. Художественная форма надгробного памятника обусловлена традицией, в отдельных элементах настолько глубокой, что они уже не могут быть восприняты во всей полноте и содержательности смысла. В особенности это касается рядовых надгробий простейших форм, воспроизводимых без изменений из поколения в поколение: могильный холм, плита, крест. Форма надгробной плиты, известная еще в XVI–XVII вв., остается ведущей в петербургском некрополе XVIII в. Разумеется, речь идет о сохранившихся памятниках достаточно высокого социального ценза. На кладбищах «для простых» преобладали деревянные кресты, не сохранившиеся по понятным причинам.

---

[152] *Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Т. Ф.* Русская мемориальная скульптура. М., 1978. С. 56.

Материалом для памятников обычно служил местный известняк, добывавшийся в окрестностях Петербурга: путиловская, парицкая, пудостская плита. Менее распространенным был металл: чугун, бронза. По характеру композиции и основным содержательным элементам литые металлические плиты не отличались от резных каменных.

Основное место на плоскости плиты занимает текст эпитафии. Как правило, он начинается с указания даты кончины «в лето от рождества Христова», при этом нередко указывался не только день, но и час. Далее подробно перечислялись чины и звания погребенного, его награды и в заключение указывалось, когда он родился и какое число лет, месяцев и дней прожил. Последовательность элементов эпитафии иногда менялась: с середины XVIII в. она начиналась обычно словами «на сем месте» или «под сим камнем погребен», – но все составные клише текста присутствовали, сохранившись до середины следующего столетия. Убористый текст, занимающий до двух десятков строк, начертание шрифта, его плотность, соотношение с пространством плиты сами по себе производят определенный художественный эффект. Над картушем с эпитафией на плитах XVIII в. часто изображался дворянский герб. Геральдическая мантия с короной, щит, лента с девизом занимают иногда бóльшую часть плиты. В отличие от формализованного текста эпитафии, гербы придают памятнику индивидуальность и неповторимость. Общая композиция оставалась неизменной, только

характер орнамента и тип шрифта позволяют отличать памятники по времени изготовления. К концу XVIII в. декоративное решение плит приобретает устойчивую лаконичность: обычно трапециевидная форма, над текстом вырублен символический сакральный знак (крест, «Всевидящее Око»), под текстом – «адамова голова» (череп с костями).

В Некрополе XVIII в. сохраняются плиты, характер обработки которых позволяет предполагать, что они изготовлены в одной мастерской. Примером могут служить отлитые из темной бронзы в середине XVIII в. плиты И. Ю. Трубецкого и Ф. А. Апраксина, напоминающие по композиции архитектурный портал с рельефными изображениями щитов, мечей, колчанов и других атрибутов военной славы, в обрамлении которых помещен герб, а под ним эпитафия, украшенная геральдической композицией из знамен и военной арматуры. Эти массивные плиты клали горизонтально над местом погребения. Многие плиты из известняка, выполненные в 1760-1780-е гг., совершенно идентичны по рисунку и характеру шрифта эпитафии, часто заключенной в рамку из плетенки.

Существовали и такие плиты-эпитафии, которые помещались на стене как напоминание о месте погребения. Такие настенные эпитафии были обычно небольших размеров, по форме приближались к медальону (например, сохранившиеся в Благовещенской церкви плиты А. П. Апраксина, П. И. Ягужинского). Ряд подобных мемориальных знаков перене-

сен в музейную экспозицию из других церквей XVIII в.

Судя по сохранившимся памятникам представителей высшего слоя петербургского дворянства, в надгробных плитах XVIII в. традиционная религиозная символика постепенно вытесняется официальной гражданской эмблематикой. Это действительно характерно для начатой Петром I бюрократизации общества, но делать какие-то обобщающие выводы на основании имеющегося материала было бы неверно. Определенные сакральные символы («адамова голова», херувимы, пальмовые и миртовые ветви) присутствуют почти постоянно, и целиком светские по своему характеру памятники были скорее исключением, чем правилом. Надо учитывать также, что сохранившиеся до нашего времени надгробные памятники чаще всего помещались внутри церковных зданий или в непосредственной близости от них. В скромном облике надгробных плит, типизации их форм определенным образом символизируется мысль о ничтожности земного благополучия перед небесной справедливостью.

О том, как выглядели памятники на монастырском кладбище XVIII в., можно судить по сохранившемуся в архиве «описанию имеющимся в Невском монастыре гробницам» представителей графского рода Шереметевых, относящемуся к 1780-м гг. На месте захоронения внука фельдмаршала Б. П. Шереметева, Порфирия, умершего в 1758 г., был «положен только простой путиловский камень с надписью, который… опустился совсем в землю», так что в 1785 г. «сверх

оного… положен вновь камень же дикой с тем расположением, чтоб для надписи на нем положить сверху мраморную доску»[153]. То есть старая надмогильная плита была использована в качестве фундамента для нового памятника. Это обстоятельство было достаточно характерно для «поновления» старинных надгробий, если у потомков возникала к этому охота.

Шереметевские гробницы в Лазаревской усыпальнице украшены так называемыми оковками, медными досками, рельеф на которые наносился в технике «битья», выколотки. Сохранилось лишь несколько образцов, выполненных в этой технике, и все они находятся на кладбище Невского монастыря. Отсюда можно сделать вывод о принадлежности их к одной мастерской. Не раньше середины 1770-х гг. были выполнены медные золоченые оковки плит П. Г. и Е. А. Чернышевых, М. К. Скавронского и его сестры А. К. Воронцовой. Выбитые рельефом на плитах овальные медальоны с эпитафиями, щиты с гербами строго геральдической формы и вазы-курильницы окружены прихотливыми завитками растительного орнамента. В середине 1780-х гг. была положена оковка на мраморный саркофаг С. Я. Яковлева (ум. 1784), а вскоре после этого изготовлены из мраморных плит надгробия фельдмаршала Шереметева (ум. 1719) и его внучки Анны (ум. 1768). Золоченую оковку на гробнице А. П. Шереметевой делал, согласно контракту, «Санкт-Петербургского

[153] ЦГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1822. Л. 13.

немецкого цеха медного золотарного дела мастер» Иоганн Христиан Праузенбергер[154]. Его же подпись имеется на плите М. К. Скавронского. В той же технике «битья» выполнены плиты надгробий П. А. Салтыкова и И. Н. Долгорукова, скончавшихся в начале 1790-х гг., после чего памятников подобного рода не делали.

Указать точную дату изготовления того или иного памятника достаточно затруднительно, кроме тех случаев, когда на надгробии есть надпись мастера. Иногда, как в случае с шереметевскими памятниками, время их изготовления значительно расходится с датой погребения (хотя в большинстве случаев большой разницы во времени не было).

Особенности убранства русских церквей, у стен которых обычно помещались киоты с иконами, затрудняли включение в интерьер монументальных эпитафий с портретами и гербами, характерными для западноевропейской мемориальной пластики. Жанр скульптурного надгробия, давший русскому искусству в эпоху классицизма ряд первоклассных произведений, предназначался для родовых фамильных усыпальниц, кладбищенских церквей, а чаще для открытого пространства некрополей. С конца XVIII в. погребения в храмах вообще были запрещены.

На рубеже 1760-1770-х гг. некрополь начинает приобретать ансамблевость, разнообразие форм в единстве пластической концепции, что свойственно художественной практи-

---

[154] Там же. Л. 16–17.

ке классицизма. К числу первых архитектурных надгробий относится памятник М. В. Ломоносову, установленный на Лазаревском кладбище вблизи существовавшей тогда второй деревянной Благовещенской церкви. Памятник был заказан в Италии на средства покровительствовавшего ученому графа М. И. Воронцова, по эскизу академика Я. Штелина (мастер Ф. Медико, Каррара). Примечательно, что в 1760-е гг. в Петербурге не было мастерской, которая могла бы выполнить подобный заказ. Здесь характерна не только новизна формы, но и специфика материала: драгоценный каррарский мрамор, сверкающая белизна которого, в сочетании с позолотой резьбы, в окружении вросших в землю плит из местного известняка, действительно, должна была производить небывалое впечатление. В сегодняшнем Некрополе XVIII в. памятник кажется довольно скромным по размерам (высота его около двух с половиной метров), но современниками он воспринимался как «столп», монумент, воздвигнутый в память гения отечественной науки.

Прямоугольная стела увенчана изображением саркофага. На ее гранях вырублен по-латыни и в русском переводе текст эпитафии, посвященной «славному мужу Михаилу Ломоносову… разумом и науками превосходному, знатным украшением Отечеству послужившему». Это не просто послужной список с указанием чинов, принятый в надгробных памятниках более раннего времени. Эпитафия Ломоносову открывает эпоху, когда составление надгробных надписей стано-

вится своеобразной отраслью поэтического искусства. Возвышенному строю эпитафии соответствует аллегорический рельеф, где символы наук и художеств – свиток с циркулем и лира – сплетены с лавровым венком славы. Многозначен символ, выраженный кадуцеем – оплетенным змеями крылатым жезлом Меркурия. Очевидно, что в данном случае кадуцей напоминает о назначении памятника, так как античный Меркурий выступал в роли проводника в загробное царство; кадуцей, однако, воспринимался и как ключ к открытию тайн природы, и в этом смысле мог быть помещен на памятнике естествоиспытателю. Изысканность ученой символики монумента сочетается с православной традицией: силуэт памятника благодаря выступающим боковым полочкам с гирляндами напоминает крест.

Историк Ю. П. Шамурин, изучавший памятники московского некрополя, заметил, что «при хронологическом разграничении художественных форм гораздо важнее определение времени появления и утверждения данной формы. Конечная дата – упадка, вырождения и исчезновения менее поддается учету»[155]. Классические архитектурные формы саркофагов, стел, жертвенников, пилонов, обелисков, пирамид, возникнув в последней четверти XVIII в. в петербургском некрополе, сохраняются в течение многих десятилетий, продолжая, как и плиты, существовать в условиях

---

[155] *Шамурин Ю.* Московские кладбища // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1911. Вып. 8. С. 105.

развития новых стилей.

По-видимому, эволюция форм надгробия в Петербурге проходила менее интенсивно, чем в Москве. Уже в 1760-е гг. в древней столице появляются белокаменные саркофаги с пышной барочной резьбой, эффектность которой подчеркивалась раскраской. Ничего подобного в Петербурге не было. Эпоха барокко отразилась лишь в усложнении орнаментации, насыщенности пластического декора надгробных плит.

Судя по памятникам Лазаревского некрополя, до конца 1760-х гг. большинство их составляли плиты из известняка. С начала 1770-х гг. появляются гранитные плиты. Начинает использоваться мрамор: первоначально в виде врезанных в плиты накладных досок, как, например, на изготовленных в начале 1770-х гг. памятниках А. Е. Демидовой и М. Е. Скобельцына. Над текстом эпитафии, вырубленной в мраморе, помещен аллегорический рельеф – череп в венке из роз, символизирующий, очевидно, суету мирской жизни. Эти памятники, как и некоторые другие на Лазаревском кладбище, относящиеся к 1770-м гг., выполнены в одной мастерской. Если первоначально надгробные плиты клали на кирпичное основание, с начала 1770-х гг. появляются повышенные подиумы из блоков известняка. Этот тип саркофага в виде ящика из каменных плит сохранялся до начала XIX в.

Монолитные объемы саркофага из гранита стали изготовлять лишь с 1780-х гг. Наиболее ранней формой являлись, по-видимому, прямоугольные саркофаги темно-серо-

го гранита. В 1790-е гг. появляются саркофаги и плиты из красного гранита «рапакиви». Вообще материал надгробий опосредован состоянием добычи камня. Первые разработки отечественного мрамора в северном Приладожье начались в 1766 г., так что лишь после этого мрамор стал использоваться для плит и саркофагов. Примечательны мраморные саркофаги со скошенными гранями и филенками с рельефами, на ножках-волютах изысканного рисунка (П. А. и Е. А. Полянские, нач. 1780-х гг.). Темно-серый сердобольский гранит начинают широко добывать в конце 1760-х гг., а пютерлакский красный – во второй половине 1780-х[156].

Форма жертвенника, вырубленного из гранита, начинает распространяться с 1800-х гг. Жертвенники представляют собой, как правило, прямоугольный, вытянутый в высоту объем, увенчанный широкой карнизной плитой с треугольными или лучковыми фронтонами и акротериями. Образ жертвенника-алтаря ассоциируется с идеей воспоминания о покойном; часто на памятнике помещают пространную эпитафию в стихах или прозе. На гранях жертвенника – мраморные доски с текстами и рельефами, к которым добавляются накладные детали из бронзы и чугуна: античные лекифы, факелы и маски на фронтонах и акротериях, крылатые херувимы на углах карниза, крест и якорь – символы Христианской веры и Надежды – на постаменте или венчающие

---

[156] *Булах А. Г., Абакумова Н. Б.* Каменное убранство центра Ленинграда. Л., 1987. С. 25–26.

памятник. Некоторые жертвенники по материалу и характеру декорировки можно объединить в группы, явно вышедшие из одной мастерской (мраморные надгробия Меншиковых и Янковичей де Мириево – конец 1810-х гг.; жертвенники с рельефными венками из плюща – Е. В. Свечиной, М. В. Левашовой, А. А. Торсукова – 1810-1820-е гг.; гранитные жертвенники В. И. Потапова, Б. А. Голицына – начало 1820-х гг.; и др.).

Сочетание излюбленных в эпоху классицизма элементов античной символики и мотивов христианского миросозерцания вполне органично вписывается в облик петербургского некрополя эпохи классицизма. Примечательным в этом смысле является надгробие И. А. Пуколова с сыном, первоначально находившееся на Волковском кладбище (1820-е гг.; перенесено в Некрополь XVIII в.). На цоколе жертвенника – накладной чугунный рельеф: песочные часы с крыльями, пересеченные косой – символы Времени и Смерти. Змея, свернувшаяся кольцом, на языке классицизма символизировала Вечность; бабочка, рвущаяся из кокона, – Бессмертие души. Своеобразное насыщение классицистических аллегорий понятиями церковной символики приобрело в этом надгробии несколько курьезный характер: два черепа, над которыми летят бабочки, улыбаются, как бы храня веру в грядущее воскресение.

Надгробие Пуколовых, созданное в эпоху классицизма, в сущности, не является уникальным ни по художественным

качествам, ни по положению заказчика, синодского секретаря. Оно показывает общий уровень культуры надгробного памятника первой трети XIX в., символика которого давно утратила эзотерический смысл, превратилась в шаблон. Стихотворная эпитафия на памятнике Пуколовым необычайно популярна:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.